

КАВКАЗСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.
Книжка XXII, выпускъ 5-й.

Н. Я. Динникъ.

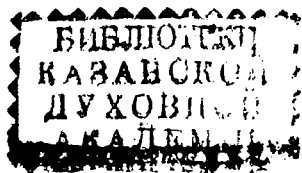

ВЕРХОВЬЯ
МАЛОЙ ЛАБЫ
И
МЗЫМТЫ.

ТИФЛИСЬ.
Типографія К. П. Ковловскаго, Головин. просп., № 12.
1902.

Печатано по распоряженію Распорядительнаго Комитета Кавказскаго
Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Верховья Малой Лабы и Мзымты.

I.

Нѣкоторыя мѣста по верхнему теченію Малой Лабы были посѣщены мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ и описаны въ статьѣ «Кубанская область въ верховьяхъ рѣкъ Уруштена и Бѣлой» *); но вся мѣстность отъ самыхъ истоковъ Малой Лабы и до впаденія въ нее Умпыря, кромѣ того долины и ущелья всѣхъ верхнихъ притоконъ М. Лабы и, наконецъ, переваль Аишхо были мнѣ совершенно неизвѣстны. За послѣднія лѣтъ 30 ихъ не посѣтилъ ни одинъ изъ путешественниковъ. По сосѣдству съ этими мѣстами были въ 1899 г. Н. А. Бушъ и Н. Щукинъ, командированные Имп. Русск. Геогр. Общ. и совѣтомъ Юрьевскаго Университета для изслѣдованія ледниковъ западнаго Кавказа и растительности Кубанскихъ горъ; но Н. Бушъ, слѣдуя вверхъ по долинѣ М. Лабы, на пути къ перевалу встрѣтилъ затрудненія, которыя не легко было преодолѣть, и потому не дошелъ до истоковъ М. Лабы и перевала Аишхо. Попытки его и Н. Щукина пробраться къ этимъ мѣстамъ съ юга, со стороны долины Мзымты, также не увѣнчались успѣхомъ, потому что имъ не удалось спуститься съ перевала Псеашхо въ долину Мзымты, съ которой можно было подняться на переваль Аишхо и затѣмъ уже попасть къ верховьямъ М. Лабы. Я въ этомъ отношеніи былъ счастливѣе и не только благополучно добрался съ сѣвера до самыхъ истоковъ М. Лабы, но и прошелъ назадъ и впередъ черезъ оба перевала. Такимъ образомъ, мнѣ удалось осмотрѣть и таинственные истоки Малой Лабы.

Настоящее путешествіе мое съ обычными трудностями и невзгодами началось со станицы Псебайской, откуда мною было предпринято нѣсколько поѣздокъ въ разныя стороны; но, прежде чѣмъ описывать ихъ, скажу нѣсколько словъ о Псебаѣ и о природѣ окружающихъ его мѣстъ.

*) Записки Кавк. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. XIX, 1898 г.

Псебайская станица, или, какъ обыкновенно называютъ ее, Псебай, расположена на лѣвомъ берегу М. Лабы при впаденіи въ нее р. Псебая. Недалеко отъ станицы по обѣимъ сторонамъ М. Лабы возвышаются двѣ горы—Герпегемъ и Мифагуртъ. Онѣ принадлежатъ къ хребту Черныхъ горъ, который тянется параллельно Главной Кавказской цѣпи верстахъ въ 50 отъ нея. Въ геологическомъ смыслѣ Черныя горы моложе Главнаго хребта. Онѣ поднялись со дна моря, какъ извѣстно, въ мѣловой періодъ, тогда какъ большая часть Главнаго Кавказскаго хребта—въ предшествовавшей мѣловому юрскій періодъ. Черныя горы состоятъ исключительно изъ известняковъ, образующихъ здѣсь толщи, какъ видно на нѣкоторыхъ обнаженіяхъ, въ десятки саженъ. Длинный барьеръ такихъ желтовато-бѣлыхъ известковыхъ скалъ тянется вдоль лѣвой стороны долины М. Лабы на сѣверо-западъ отъ Псебая. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ Воровской балкѣ (верстахъ въ 4 ниже Псебая), эти скалы образуютъ красивые выступы въ видѣ столбовъ, колоннъ и обелисковъ. Всѣ онѣ состоятъ изъ углекислой извести и содержатъ довольно много остатковъ морскихъ слизняковъ. Во многихъ мѣстахъ эти известняки переходятъ наверху въ алебастръ, который образуетъ здѣсь богатая залежи, простирающіяся на нѣсколько верстъ въ меридіональномъ и широтномъ направленіяхъ. Часто онъ выступаетъ на поверхность земли не только на кручахъ и откосахъ, но и на мѣстахъ болѣе или менѣе ровныхъ. Здѣсь существуютъ и алебастровыя ломки, на которыхъ добывается очень бѣлый алебастръ; его везутъ отсюда въ Лабинскую станицу, главный торговый пунктъ этой части Кубанской области, и во многія другія мѣста. Въ известковыхъ толщахъ здѣшнихъ горъ находится много длинныхъ глубокихъ пещеръ со сталактитами и сталагмитами внутри.

Чтобы постепенно пріучить себя къ хожденію по горамъ, мы рѣшили прежде всего отправиться на Герпегемъ, поднимающійся тысячи на двѣ футовъ надъ Псебаемъ. Болѣе или менѣе плоская вершина его покрыта лугами, на которыхъ попадаетъ много чисто альпійскихъ травъ. Здѣсь-же растутъ рододендроны (*Azalea Pontica*) и отдѣльные небольшіе кустики папоротника-орляка (*Pteris aquilina*), который верстахъ въ 50 къ западу отъ Псебая въ долинѣ Курджипса и Пшехи, а также по черноморскому побережью образуетъ сплошныя высокія заросли. Въ этихъ болѣе влажныхъ мѣстахъ человѣку приходится вести упорную борьбу съ орлякомъ, которымъ зарастаютъ хлѣбныя и картофель-

ныя поля, сѣнокосныя мѣста и т. д.; въ окрестностяхъ-же Псебая онъ встрѣчается болѣе или менѣе рѣдко и нигдѣ не образуетъ сплошныхъ зарослей. По склонамъ Герпегема, въ особенности западнымъ и сѣвернымъ, растутъ лиственные лѣса, состоящія главнымъ образомъ изъ дуба и бука.

Псебай расположенъ на высотѣ 2145 фут. надъ уровнемъ моря, отличается здоровымъ климатомъ и могъ-бы служить прекраснымъ курортомъ. Правда, въ маѣ и юнѣ здѣсь, какъ и вообще въ предгорьяхъ Кубанской и Терской областей, идутъ очень частые дожди, но зато осень отличается чудной погодой, а зима очень тепла и совсѣмъ малоснѣжна *). Двойныхъ ражъ здѣсь почти не дѣлаютъ, а въ декабрѣ и январѣ можно иногда ходить въ лѣтнемъ пальто. Полнѣйшая тишина часто стоитъ на Псебай по цѣлымъ недѣлямъ. Къ недостаткамъ псебайскаго климата надо отнести довольно частыя градовыя бури, отъ которыхъ сильно страдаютъ хлѣбныя поля и травы. Псебай былъ когда-то штабъ-квартирой Севастопольскаго полка и представлялъ тогда очень оживленное и веселое мѣстечко. Теперь онъ сильно запустѣлъ, а большая часть построекъ, принадлежавшихъ полку, превратилась въ развалины. Единственнымъ украшеніемъ Псебая служитъ въ настоящее время новый красивый большой домъ—коштора Кубанской Охоты Великаго Князя Сергія Михайловича.

Въ зоологическомъ отношеніи Псебай интересенъ какъ пунктъ, съ котораго въ долинѣ Лобы начинается уже горная фауна Кавказа и въ окрестностяхъ котораго она сталкивается съ фауной равнинъ и степей. Къ чисто горнымъ формамъ изъ водящихся здѣсь птицъ принадлежатъ горная куропатка (*Perdix Chukar Gray*), живущая на склонахъ Герпегема вблизи Псебая, горная плиска (*Calobates sulphurea Bchst.*), оляпка или водяной дроздъ, а изъ млекопитающихъ—серны, которыя, несмотря на упорное преслѣдованіе псебайскими охотниками, убивающими каждую зиму нѣсколько штукъ ихъ, до сихъ поръ продолжаютъ держаться въ небольшомъ количествѣ на склонахъ Герпегема недалеко отъ станицы.

Лѣтъ 25 тому назадъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Псебая водилось очень много дикихъ кабановъ, медвѣдей и оленей; теперь-же эти животныя все болѣе и болѣе удаляются въ горы, а если и продолжаютъ встрѣчаться въ окружающихъ Псебай лѣ-

*) Обращенные къ югу склоны Герпегема остаются безъ снѣга почти всю зиму.

сахъ, то въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ прежде. Олени и медвѣди попадаютъ изрѣдка и ниже Псебая, въ лѣсахъ около Каладжинской станицы, но сюда они заходятъ болѣе или менѣе рѣдко; если это случится зимою, когда земли бываетъ покрыта снѣгомъ, то рѣдко кому изъ нихъ удастся благополучно уйти въ прежнія болѣе безопасныя мѣста. Лѣса между Псебаемъ и Каладжинской станицей надо поэтому считать сѣверной границей области распространенія по долинѣ Лабы крупныхъ звѣрей, каковы олени, медвѣди и кабаны. Козы около Псебая и теперь живутъ въ изрядномъ количествѣ; это надо приписать главнымъ образомъ тому, что онѣ не любятъ высокихъ горъ и очень большихъ лѣсовъ, и не рѣшаются промѣнять на нихъ мѣста, окружающія Псебай и приходящіяся имъ болѣе по вкусу. Барсуки въ окрестностяхъ Псебая встрѣчаются очень часто и, несмотря на здѣшнія теплыя зимы, залегаютъ въ спячку. По берегамъ всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ рѣчекъ, напр., по М. Лабѣ и Андрюку, около Псебая живутъ рѣчныя выдры (порѣшви); въ подобныхъ-же мѣстахъ попадаютъ и норки. Тѣхъ и другихъ мѣстные жители ловятъ капканами. Гораздо чаще встрѣчается здѣсь лѣсная куница (желтодушка—*Mustela martes* L.) и каменная куница (бѣлодушка—*M. foina* Briss.). Онѣ, впрочемъ, отдаютъ предпочтеніе большимъ горнымъ лѣсамъ. Куницъ добывается въ окрестностяхъ Псебая и сосѣднихъ съ нимъ горахъ довольно много, и цѣна на нихъ колеблется отъ 5 до 7 рублей за штуку. Перевязка (*Putorius sarmaticus* Pall.) встрѣчается здѣсь изрѣдка, а обыкновенный хорекъ, кажется, отсутствуетъ. Волкъ и лисица принадлежатъ къ самымъ распространеннымъ животнымъ этихъ мѣстъ, шакалъ-же попадаетъ какъ большая рѣдкость *). Дивихъ котовъ очень много какъ въ лѣсахъ, такъ и вообще по каменистымъ мѣстамъ. Многіе изъ псебайскихъ и андрюковскихъ охотниковъ, промысляющихъ преимущественно мелкаго звѣря, убиваютъ въ годъ болѣе десятка дивихъ котовъ. Въ лѣсахъ, окружающихъ Псебай, водится также много рысей, и зимою слѣды ихъ приходится видѣть очень часто. Такъ какъ онѣ ведутъ исключительно ночной образъ жизни, то рѣдко попадаютъ подъ выстрѣлъ охотника, чаще-же платятся своей шкурой, поѣдая отраву, которую въ районѣ Кубанской Охоты кладутъ для истре-

*) Егерямъ Кубанской охоты лѣтъ за 10 удалось отравить всего двухъ шакаловъ и то не близко отъ Псебая,— одного на Кшшѣ (притокъ Бѣлой), а другого на отрогахъ Ятыргварты.

бленія хищныхъ звѣрей. Обыкновенный ежъ попадаетъ здѣсь очень часто, а заяцъ-русакъ принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ животнымъ окрестностей Псебая и вообще нижняго пояса горъ. Встрѣчается онъ, впрочемъ, и болѣе или менѣе высоко. Даже зимою я видѣлъ зайцевъ на высотѣ около 5000 фут. на горахъ за Псебаемъ.

На поляхъ около Псебая въ лѣтнее время живетъ много перепелокъ; здѣсь-же летаютъ стада горлицъ, дикихъ голубей (*Columba livia* Briss.) и витютней (*Palumbus torquatus* Aldr.), но обыкновенная куропатка попадаетъ очень рѣдко. Иволги и черные дрозды въ большомъ количествѣ гнѣздятся во всѣхъ псебайскихъ садахъ. Сороки, которыя вообще избѣгаютъ горной мѣстности, лѣтомъ въ окрестностяхъ Псебая не встрѣчаются вовсе, а зимой очень рѣдко. Благодаря теплымъ зимамъ, въ окрестностяхъ Псебая зимуетъ очень много птицъ, улетающихъ передъ наступленіемъ зимы на югъ изъ другихъ болѣе холодныхъ мѣстностей Кавказа. Деревенскихъ ласточекъ здѣсь очень много, часто можно видѣть обыкновенныхъ стрижей (*Cypselus arus*). Зимой я видѣлъ здѣсь обыкновенныхъ скворцовъ, черныхъ дроздовъ, цѣлыя стада витютней, которые держатся по-преимуществу на горахъ, въ ельникахъ, множество разнообразныхъ мелкихъ птичекъ: зябликовъ, овсянокъ (*Emberiza cia* и *E. citrinella*) и т. д.; на незамерзающихъ рѣчкахъ живетъ, кромѣ того, много утокъ и нырковъ. Изъ пресмыкающихся и амфибій въ небольшихъ болотахъ, заросшихъ травой и камышемъ, встрѣчаются болотная черепаха (*Cistudo europaea* Gray) и гребенчатый тритонъ, а на поляхъ зеленая ящерица (*Lacerta viridis* L.) и, кромѣ того, *Lacerta praticola* Ewersm. Изъ лягушекъ встрѣчаются тѣ-же виды, какъ и въ прочихъ мѣстностяхъ Сѣвернаго Кавказа, и, кромѣ того, одинъ очень крупный видъ жабъ, живущихъ въ горахъ сѣверо-западнаго Кавказа. На Герпегемѣ, надъ Псебаемъ мы поймали также гадюку (*Vipera Renardi* Christ.), которая своей яркой окраской напоминаетъ гадюкъ, водящихся на высокихъ горахъ.

Я забылъ сказать, что Псебай замѣчателенъ еще необыкновенно красивыми видами, которые открываются съ него на горы. Въ ясное утро, когда воздухъ бываетъ особенно прозраченъ, этими видами нельзя налюбоваться. Съ Псебая видны покрытые снѣгами отроги Главнаго Кавказскаго хребта, громадный горный массивъ Ятыргварты (9051 ф.), на вершинѣ котораго разстилаются

горные луга, простирающіеся на многія версты и перемежающіеся съ отвѣсными скалами, осыпями и пятнами снѣга, красивыя скалы Чортовыхъ воротъ (Ачешбокъ), многія другія вершины и, наконецъ, красивыя лѣсистыя горы, которыя начинаются верстахъ въ 3-4 отъ Псебая и, по мѣрѣ удаленія отъ него, поднимаются все выше и выше.

Въ двадцатыхъ числахъ іюня и предпринялъ поѣздку изъ Псебая къ верховьямъ М. Лабы, на переваль Аншхо и къ истокамъ Мзымты. Въ эти мѣста отправился со мною одинъ мой знакомый Г. С. В. и мой сынъ, гимназистъ. Въ Псебай мы наняли двухъ проводниковъ и верховыхъ лошадей, рѣшивъ употребить на осмотръ названныхъ мѣстъ недѣли три. Дорога изъ Псебая къ истокамъ М. Лабы тянется все время по ущелью этой рѣчки, которую называютъ здѣсь Лабенкомъ, и вдоль лѣваго берега ея. Первые версты 20 этого пути мною уже были описаны въ статьѣ «Кубанская область въ верховьяхъ Уруштена и Бѣлой», поэтому настоящее описаніе я начинаю съ урочища Чернорѣчья, которое находится вблизи слиянія Лабенка съ Уруштеномъ и отстоитъ отъ Псебая на 24 версты. Здѣсь на днѣ очень живописнаго ущелья, на высотѣ приблизительно 2700 ф. надъ ур. моря, выстроены два довольно большихъ домика, въ которыхъ живутъ егеря Кубанской Охоты. Въ Чернорѣчьи мы предполагали только переночевать, но по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ должны были прожить болѣе сутокъ. Время это для меня, впрочемъ, не пропало даромъ, такъ какъ было употреблено на собираніе животныхъ, растений и минераловъ въ окрестностяхъ Чернорѣчья.

Ущелье Лабенка и въ этомъ мѣстѣ очень узко и почти сплошь покрыто лѣсомъ, изъ котораго только кое-гдѣ торчатъ красивыя группы скалъ. Въ южной сторонѣ ущелья поднимается высокой лѣсистый крутой мысъ; онъ представляетъ одинъ изъ отроговъ Ятыргварты и возвышается между ущельями М. Лабы и Уруштена. По нему идетъ дорога на переваль Псеашхо. Оба ущелья пересѣкаются другъ съ другомъ подъ прямымъ угломъ, оба одинаково глубоки, но ущелье Уруштена кажется изъ Чернорѣчья болѣе открытымъ и просторнымъ. Кромѣ того, оно гораздо прямѣе и потому видно на болѣе значительномъ протяженіи. Вблизи слиянія съ ущельемъ М. Лабы оно сильно лѣсисто, а дальше окаймляется высокими горами, покрытыми наверху горными лугами. Съ южной стороны въ него упираются отроги Ятыргварты и, между прочимъ, та гора, которая извѣстна у псебайцевъ подъ

именемъ «Скирды». Видъ на нее замѣчательно красивъ. Она имѣетъ длинную ровную плоскую вершину, напоминающую скирду сѣна, и покрыта зеленой травой. «Скирда» окаймлена гигантскимъ барьеромъ совершенно отвѣсныхъ темно-сѣрыхъ скалъ. Ниже ихъ тянется очень крутой зеленый откосъ, по которому едва-ли въ состояніи пройти человѣкъ, а за нимъ еще цѣлая серія чередующихся другъ съ другомъ уступовъ скалъ и карнизовъ, покрытыхъ изумрудно-зеленой травой. Уруштень раза въ два или три меньше Лабенка и несетъ болѣе темную воду; въ Лабенкѣ же она очень чиста, прозрачна и имѣетъ прекрасный сине-зеленый цвѣтъ.

Черезъ Уруштень вблизи впаденія его въ М. Лабу былъ построенъ во время Кавказской войны прочный каменный мостъ. Въ послѣднія 10-20 лѣтъ онъ такъ сильно пострадалъ отъ разныхъ причинъ, что отъ него уцѣлѣли только массивные каменные устои, построенные на берегахъ рѣки; но года полтора назадъ настилка, перила и прочія деревянныя части моста сдѣланы заново, и по мосту снова начали ѣздить и въ особенности прогонять скотъ въ лѣтнее время въ горы, на пастбища, и обратно.

На горахъ, тянущихся по обѣимъ сторонамъ М. Лабы противъ Чернорѣчья и поднимающихся надъ дномъ ущелья тысячи на три фут., можно ежедневно утромъ и вечеромъ со двора караулки видѣть сернь. Онѣ часто спускаются очень низко и, такъ какъ ихъ здѣсь никто не преслѣдуетъ и не беспокоитъ, не обращаютъ никакого вниманія на людей, которые всегда толпятся на дворѣ караулки или ѣздить и ходятъ по дорогѣ, извивающейся подъ самыми скалами. Онѣ почти ежедневно подолгу пасутся не далѣе, какъ шагахъ въ 400 или 450 отъ дороги. Этими красивыми стройными животными можно было любоваться по цѣлымъ часамъ и видѣть отчетливо въ бинокль или подзорную трубу каждое ихъ движеніе. Серны не обращали никакого вниманія, какъ мы сами наблюдали, ни на громкій свистъ, ни на другой шумъ, который онѣ, безъ сомнѣнія, слышали прекрасно, и продолжали пастись. За нѣсколько дней до нашего пріѣзда на этихъ же скалахъ видѣли медвѣдя. Одинъ изъ егерей сдѣлалъ по немъ нѣсколько выстрѣловъ, не причинившихъ, впрочемъ, медвѣдю никакого вреда.

Ущелье М. Лабы, въ которомъ находится и Чернорѣчье, извѣстно подъ именемъ Шахъ-гиреевскаго. Склоны горъ, ограничивающихъ его, сложены изъ различныхъ горныхъ породъ. При началѣ ущелья, въ 8 верстахъ отъ Псебая, они состоятъ изъ

крупно-зернистаго, не особенно твердаго песчаника, тождественнаго съ тѣмъ, который встрѣчается и въ сосѣднихъ рѣчныхъ долинахъ, напр., въ долину Бѣлой, выше Хамышкоть. Онъ тянется на протяженіи нѣсколькихъ верстъ вдоль по ущелью, дальше же за нимъ обнажаются свѣтло-сѣрые глинистыя сланцы, а около Чернорѣчья встрѣчаются уже сложныя кварцевыя горныя породы, именно кристаллическія сланцы разныхъ видовъ. Рядомъ съ ними и здѣсь залегаютъ пласты плотнаго темно-бураго песчаника. Въ этой-же мѣстности, но на противоположной сторонѣ ущелья найденъ каменный уголь, а вблизи караулки въ кварцевыхъ породахъ, у берега рѣки, тонкія прослойки мѣдной руды. Большое количество желѣзной руды находится на горахъ съ лѣвой стороны ущелья М. Лабы, именно около Ачхи, и на Ятыргвартѣ. Сюда уже не разъ являлись горныя инженеры и коммерсанты и сдѣлали заявки на желѣзную руду въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Одинъ изъ живущихъ здѣсь егерей показывалъ мнѣ цинковую руду, талькъ и горный ленъ, найденные имъ верстахъ въ 20 отсюда на Б. Лабѣ.

Лѣса въ описываемой части ущелья состоятъ почти исключительно изъ лиственныхъ породъ—бука, граба, ильма, клена, ольхи, черно-ольхи и т. д. Ясень попадается здѣсь, но только спорадически. На верхнихъ уступахъ горъ, ограничивающихъ ущелье, къ лиственнымъ породамъ примѣшиваются сосна и кавказская пихта (*Abies Nordmanniana* Stev.), а рядомъ съ ними растутъ много березы. Вблизи караулки и выше ея по ущелью Лабенка лѣса изобилуютъ малиной, собирать которую приходятъ сюда изъ Псебая. Она начинается поспѣвать во второй половинѣ юня. Изъ кустарныхъ растений здѣсь встрѣчается много кизила (*Cornus Mas*), свидины (*Cornus sanguinea*), обыкновенной калины, калины-гордовины (*Viburnum Lantana*), орѣшника (*Corylus Avellana*), бересклета и мѣстами очень много жасмина (*Philadelphus coronarius*), а изъ травянистыхъ около караулки часто встрѣчается бѣлый *Aconitum*, *Sedum acre*, *Crassula* и множество красивыхъ папоротниковъ, которые ютятся преимущественно по мокрымъ тѣнистымъ скаламъ и свѣшиваются съ нихъ цѣлыми гирляндами. Къ здѣшнимъ папоротникамъ относятся: *Polypodium vulgare* L., *Asplenium Trichomanes* L., *Aspl. septentrionale* Sw., *Aspidium Filix Mas*, *Aspidium Lonchitis* Sw., *Cystopteris fragilis* Bernh. и нѣкоторые другіе. Ниже Чернорѣчья въ Шахъ-

гиреевскомъ ущельѣ растутъ фруктовыя деревья и кустарники, именно яблони, груши, лыча (*Prunus divaricata*) и т. д.

Птицами окрестности Чернорѣчья очень бѣдны. Издали я видѣлъ здѣсь двухъ черныхъ грифовъ (*Vultur cinereus* Naum.), слышалъ часто крикъ обыкновенной пѣночки (*Phyllopneuste trochilus* L.), видѣлъ соекъ, поползней (*Sitta caesia* Wolf.), зеленыхъ дятловъ (*Gecinus viridis* L.) и чаще всего горныхъ пликъ (*Calobates sulphurea* L.). На скалахъ и осыпяхъ около Чернорѣчья, по словамъ егерей, водятся горныя курочки (*Pardix chuskar* Gray). Изъ пресмыкающихся здѣсь встрѣчается мѣдьяница (*Anguis fragilis* L.), горная ящерица (*Lacerta muralis* L.), обыкновенный или кольчатый ужъ и черный ужъ (*Tropidonotus patrix* var. *ater*, Eichw.). Одинъ крупный экземпляръ послѣдняго вида мы поймали на дорогѣ верстахъ въ 3 или 4 ниже караулки. Онъ имѣлъ длину въ 1½ аршина; спина у него была окрашена въ блестящій чисто-черный цвѣтъ; плоская широкая голова, напоминающая голову ядовитой змѣи, имѣла такой-же цвѣтъ; по бокамъ головы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у обыкновеннаго (кольчатого) ужа находятся желтыя пятна, у пойманнаго нами были сѣровато-черныя пятна, очень мало отличающіяся по цвѣту отъ прочихъ частей головы. Нижняя часть тѣла черная, но съ крупными бѣлыми пятнами, образующими неполныя полукольца. Около отверстія рта и на горлѣ также находятся бѣлыя пятна. Когда этого ужа безпокоили, онъ сильно шипѣлъ, расширялъ лицевую часть головы, но вовсе не обнаруживалъ намѣренія кусать. Егеря говорили мнѣ, что вблизи караулки имъ не разъ приходилось видѣть и обыкновенную гадюку. Чаще-же всѣхъ пресмыкающихся здѣсь встрѣчаются горныя ящерицы (*Lacerta muralis* Laur.). Эти проворныя красивыя животныя любятъ грѣться на солнцѣ и охотятся въ это время за насѣкомыми, поэтому въ солнечный день ихъ можно видѣть по нѣскольку штукъ на каждой кучѣ камней или на каждомъ выступѣ скалы. Особенно много этихъ ящерицъ на послѣднихъ 2-3 верстахъ пути передъ караулкой. Онѣ съ необыкновенной ловкостью и проворствомъ лазаютъ не только по отвѣснымъ, но даже нависшимъ скаламъ, и при видѣ опасности очень быстро прячутся въ трещинахъ ихъ; поэтому ловить ихъ не особенно легко. Если схватить горную ящерицу за ея тонкій длинный хвостъ, то она, быстро и сильно изгибая туловище, обламываетъ хвостъ еще скорѣе, чѣмъ другіе виды ящерицъ. Для болѣе легкаго совершенія такой безкровной

или почти безкровной операции (аутоотомія), къ которой прибѣгаютъ многія животныя, чтобы спасти свою жизнь, существуютъ у нихъ, какъ извѣстно, можетъ быть, читателю, особыя приспособленія и даже особые нервные центры, управляющіе сокращеніемъ мускуловъ, которые производятъ отламываніе органовъ. Во время ловли горныхъ ящерицъ я нѣсколько разъ наблюдалъ, что забравшаяся въ узкую щель ящерица не въ состояніи обломить свой хвостъ, потому что не можетъ дѣлать крутыхъ поворотовъ своимъ тѣломъ. Такую ящерицу всегда можно было вытянуть изъ щели, гдѣ она цѣплялась довольно сильно, даже за самый кончикъ хвоста, если только тянуть ее плавно. Куцья ящерицы и здѣсь попадаются не рѣдко; слѣдовательно, несмотря на проворство, имъ частенько приходится жертвовать своимъ хвостомъ. Питаются эти ящерицы по-преимуществу мухами и мелкими бабочками, крылья которыхъ я не разъ видѣлъ во рту ящерицъ. Горная ящерица очень красиво окрашена. Спина у нея синевато-сѣрая или зеленовато-сѣрая, рѣже зеленовато-бурая, а у нѣкоторыхъ экземпляровъ даже чисто-синяя, причеъ по этому основному фону бывають всегда разбросаны черныя пятна. Въ мѣстахъ, гдѣ спинная поверхность переходитъ въ боковую, тянется темная полоса, очень рѣзко выраженная у нѣкоторыхъ экземпляровъ. Брюшко у взрослыхъ имѣетъ чаще свѣтлый золотисто-желтый цвѣтъ, а у болѣе молодыхъ желтовато-бѣлый или даже почти бѣлый. Наружные брюшные щитки часто бывають окрашены въ яркій голубой цвѣтъ и отличаются сильнымъ металлическимъ блескомъ. Самцы имѣють болѣе яркую, блестящую окраску, самки-же окрашены проще, не такъ ярко, а молодья имѣють еще болѣе однообразную буроватую окраску. Что касается рыбъ, то въ Лабенкѣ и Уруштенѣ водится только рѣчная форель. Ночью въ Чернорѣчѣ можно видѣть много летающихъ свѣтящихся жучковъ (*Lampiris splendens*). Живущихъ на Черной рѣчкѣ егерей Кубанской Охоты я разспрашивалъ о перелетѣ птицъ весной и осенью черезъ Шахъ-гиреевское ущелье. Они говорятъ, что видятъ, хотя и немного, гусей, утокъ и различныхъ мелкихъ птичекъ, но никогда не замѣчали журавлей и не слышали ихъ крика. Основываясь на словахъ егерей, я думаю, что здѣсь перелетаетъ птицъ немного. Вѣроятно, онѣ находятъ ущелье Малой Лабы, почти совершенно лишенное полянъ, неудобной дорогой для своихъ переселеній. Степнымъ птицамъ здѣсь не только трудно найти подходящую пищу, но и негдѣ отдохнуть.

Урочище Чернорѣчье отличается здоровымъ и прохладнымъ климатомъ. Въ срединѣ лѣта часовъ въ 6 утра здѣсь бываетъ обыкновенно не болѣе 9 или 10 градусовъ тепла. Въ полдень также не бываетъ особенно жарко, благодаря дующему по ущелью вѣтру. Этотъ вѣтеръ представляетъ, однако, и существенный недостатокъ Чернорѣчья, въ особенности въ холодное время года. Вода въ Лабенкѣ здѣсь чистая, свѣтлая и очень прохладная, хотя не настолько, чтобы вовсе нельзя было купаться въ ней. Утромъ 24 іюля она имѣла температуру только 9° С., послѣ полудня же температура ея доходитъ градусовъ до 18 С. и, вѣроятно, больше.

Съ Чернорѣчья мы отправились вверхъ по ущелью М. Лабы къ урочищу «Умпырь», находящемуся при впадении р. Умпыря въ М. Лабу и отстоящему отъ Чернорѣчья на 20 верстъ. Тропинка, по которой мы ѣхали, все время тянется вдоль лѣваго берега Лабенка то по густому лѣсу, то по крутымъ скалистымъ болѣе или менѣе открытымъ откосамъ. По мѣрѣ удаленія отъ Чернорѣчья ущелье Лабенка дѣлается все уже, круче и красивѣе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно обставлено очень высокими зубчатыми скалами, напоминающими готическіе замки и башни. На нихъ почти вездѣ растутъ рѣдкия, но очень большія сосны и темно-зеленыя остроконечныя пихты. Съ каждымъ поворотомъ ущелья открываются здѣсь все новые и новые виды. Лабенокъ течетъ очень быстро, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ русло его, имѣющее въ среднемъ арш. 50 въ ширину, суживается арш. до 12-15. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода въ немъ на протяженіи саженъ ста бѣла, какъ серебро, и, какъ будто бы, кипитъ ключемъ. Съ огромной силой ударяясь о скалы и камни, рѣчка здѣсь прыгаетъ и мечется изъ стороны въ сторону, какъ какое-нибудь чудовище. Въ другихъ мѣстахъ теченіе ея гораздо тише и спокойнѣе, а вода уже не блеститъ серебромъ, а имѣетъ чудный зелено-голубой цвѣтъ и отличается прозрачностью. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Умпыря ущелье М. Лабы суживается особенно сильно, и почти отвѣсныя скалы подступаютъ къ самой рѣчкѣ. Продѣланная вдоль ущелья тропинка зигзагами круто поднимается здѣсь на довольно высокую гору. Надъ тропинкой поднимаются высокія скалы, а глубоко внизу шумитъ рѣка. Мѣсто это егеря Кубанской Охоты прозвали «Балканами». Здѣсь приходится слѣзть съ лошади и болѣе полуверсты пройти пѣшкомъ. За «Балканами» ущелье становится еще красивѣе: надъ самой рѣчкой громоздятся отвѣс-

ныя, даже нависшія скалы въ нѣсколько сотъ футовъ высокою, а надъ ними поднимается еще ярусъ высокихъ, стройныхъ, остро-конечныхъ пивовъ, покрытыхъ рѣдкими соснами и возвышающихся до крайней мѣрѣ тысячи на три футовъ надъ уровнемъ рѣки.

Лѣса между Чернорѣчьемъ и Умпыремъ также состоятъ изъ очень разнообразныхъ древесныхъ и кустарныхъ породъ, но уже замѣтно отличаются отъ лѣсовъ, растущихъ при началѣ Шах-гиреевскаго ущелья. Здѣсь встрѣчается очень много бѣлой ольхи (*Alnus incana*), которая на болѣе пологихъ мѣстахъ, вблизи береговъ рѣкъ образуетъ чистыя сплошныя насажденія изъ деревьевъ отъ 5 до 8 дюймовъ въ діаметрѣ. Кромѣ того, бѣлая ольха растеть отдѣльными деревьями или небольшими группами среди другихъ лѣсныхъ породъ и нерѣдко достигаетъ обхвата и болѣе въ толщину. Часто попадаетъ и черноольха, обыкновенный и остролистный кленъ (*Acer campestre*, *A. platanoides*), вязъ (*Ulmus campestris*), букъ, грабъ, дубъ, рѣже липа, рябина, береза, яблоня и груша. Ясень попадаетъ рѣдко, зато нѣкоторыя деревья его достигаютъ здѣсь обхватовъ трехъ въ толщину. Ель, пихта и сосна встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ около Чернорѣчья, и, кромѣ того, спускаются до самаго дна ущелья. Изъ кустарниковъ въ этихъ мѣстахъ встрѣчается много орѣшника (*Corylus Avellana*), бересклета, свидины (*Cornus sanguinea*), бузины (*Sambucus nigra*), калины (*Viburnum Opulus*) и жасмина (*Philadelphus coronarius*). Последний образуетъ мѣстами сплошныя заросли, покрывающія каменистые склоны ущелья на пространствахъ въ нѣсколько десятинъ. Стволы его достигаютъ нерѣдко довольно порядочной толщины (вершокъ въ діаметрѣ и болѣе). Въ началѣ лѣта жасминъ бываетъ покрытъ множествомъ красивыхъ желтовато-бѣлыхъ цвѣтовъ. Въ этомъ же ущельѣ встрѣчаются и плодовые кустарники: красная и бѣлая лыча (недалеко отъ Чернорѣчья), крыжовникъ (два сорта), смородина и малина. Одинъ видъ смородины (*Ribes nigrum* L.) имѣетъ крупныя черныя ягоды, сидящія на длинныхъ кистяхъ, и крупныя листья, другой же (*R. rubrum* L., а можетъ быть, и *R. petraeum* Wulf.) имѣетъ болѣе мелкія красноватыя ягоды сладкаго вкуса и очень мелкія листья. Малина попадаетъ по болѣе открытымъ каменистымъ мѣстамъ; очень много растеть ея и по сторонамъ тропинки. Крупными, вкусными и душистыми плодами малины мы лакомились во все время пути отъ Чернорѣчья до Умпыря. Бирючина (*Ligustrum vulgare*) попадаетъ здѣсь сравнительно рѣдко;

то-же можно сказать и про обыкновенный можжевельник (*Juniperus communis*). Другой вид можжевельника, именно *Juniperus Sabina*, также встрѣчается здѣсь, но на болѣе высокихъ мѣстахъ. Травянистыя растенія, конечно, очень разнообразны, но изъ нихъ особенно обращаетъ на себя вниманіе огромное зонтичное растеніе *Heraclium rubescens*, достигающее высоты сажени въ двѣ и толщины иногда почти въ ногу человѣка, чумной корень (*Petasites officinalis*) съ громадными листьями, *Spiraea Aruncus*, травянистая бузина (*Sambucus Ebulus*), *Impatiens noli tangere*, *Atropa Belladonna*, *Leonurus Cardiaca*, хмѣль и т. д. Кромѣ того, въ этомъ ущельѣ встрѣчаются на каждомъ шагу различные папоротники, а въ одномъ мѣстѣ растетъ очень много хвоща—*Equisetum hiemale*. Нигдѣ, кромѣ этого мѣста, въ верховьяхъ Лабы я его не встрѣчалъ, да и егеря говорили мнѣ, что онъ растетъ только здѣсь. *Pteris aquilina* попадаетъ, но очень рѣдко. На буковыхъ деревьяхъ, еляхъ и пихтахъ растетъ еще много лишайниковъ (*Usnea barbata*).

По дорогѣ отъ Чернорѣчья до Умпыря мы видѣли серну и, кромѣ того, вблизи Балкановъ вспугнули какого-то крупнаго звѣря. Онъ, почувявъ или услышавъ насъ, бросился на каменистую кручу, и изъ подъ его ногъ посыпался на насъ цѣлый градъ камней. На скалахъ, освѣщенныхъ солнцемъ, и здѣсь попадаетъ довольно много такихъ-же ящерицъ, какъ вблизи Чернорѣчья. Около ур. Умпырь, на берегу Лабенка, я поймалъ еще довольно большую и красивую мѣдяницу (*Anguis fragilis* L.). Одинъ изъ егерей Кубанской Охоты и ветеринарный стражникъ съ ужасомъ смотрѣли на меня, когда я держалъ въ рукахъ это безвредное животное, которое они считали ядовитѣйшей змѣей.

Тропа отъ Чернорѣчья до Умпыря въ общемъ довольно сносная, хотя кое-гдѣ и тянется надъ кручами и не вполне безопасна; только въ одномъ мѣстѣ, на протяженіи верстъ 2-3, она тянется по топкимъ глинистымъ оползнямъ, гдѣ ноги лошади погружаются въ липкую грязь по самое колѣно. Мѣсто это находится верстахъ въ 8 отъ Чернорѣчья и извѣстно подъ именемъ Затишья или Третьей Роты. Здѣсь во время Кавказской войны и послѣ нея въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ стояла третья рота одного изъ батальоновъ Севастопольскаго полка. Этому обстоятельству и обязано мѣсто своимъ названіемъ. На полянѣ въ этомъ мѣстѣ до сихъ поръ видны фундаменты бывшихъ ротныхъ по-

строекъ. На проѣздъ отъ Чернорѣчья до Умпыря мы употребили около пяти часовъ.

Урочище Умпырь одно изъ самыхъ чудныхъ мѣстъ въ горахъ всей Кубанской области. Оно расположено на высотѣ около 3850 фут. надъ ур. моря. Это своего рода земной рай. Здѣсь сходятся долины или ущелья трехъ рѣчекъ: М. Лабы, Умпыря и Ачипсты. Ущелье М. Лабы въ этомъ мѣстѣ сильно расширяется и дно его представляетъ чудную поляну, покрытую свѣжей зеленою травою со множествомъ красивыхъ цвѣтовъ; по ней разбросаны еще то одиночно стоящія, то собранныя въ небольшія группы стройныя изящныя сосны. Крунымъ сосновымъ лѣсомъ, въ которомъ растетъ немало красивыхъ кудрявыхъ березъ, окружена эта поляна со всѣхъ сторонъ. М. Лаба ограничиваетъ ее съ востока и можетъ считаться украшеніемъ этой мѣстности. Умпырь и Ачипста значительно уступаютъ ей въ этомъ отношеніи. Но особенно замѣчательно урочище Умпырь своими необыкновенно живописными видами, которые открываются отъ него по всѣмъ направленіямъ. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ высокими горами, почти сплошь покрытыми лиственными и хвойными лѣсами; надъ ними залегаютъ альпійскіе луга, надъ которыми громоздятся еще высокія скалы. Во многихъ мѣстахъ на горныхъ лугахъ блестятъ небольшія полосы и пятна снѣга, а кое-гдѣ и порядочныя снѣжныя поля. Глубокими ущельями и долинами упомянутыхъ трехъ рѣчекъ прорѣзываются эти горы въ трехъ разныхъ направленіяхъ. Ущелья по своей красотѣ также могутъ соперничать другъ съ другомъ. На сѣверъ отъ поляны тянется описанное уже ущелье М. Лабы съ его крутыми, высокими, обрывающимися къ рѣкѣ скалами и остроконечными пиками. Отсюда онѣ видны еще лучше и въ хорошую погоду особенно рельефно обрисовываются на темно-синемъ фонѣ неба. На югъ тянется продолженіе этого-же ущелья, но здѣсь оно не такъ скалисто и почти сплошь покрыто лѣсомъ. Горы, окружающія его, вдали становятся выше и выше. Съ правой стороны долины въ одной котловинѣ на нихъ лежатъ порядочныя лоскуты снѣга, а еще дальше на югъ ущелье это замыкается очень высокими, скалистыми и крутыми горами, изящно украшенными пятнами, полосами и лентами вѣчнаго снѣга. Это сѣверный конецъ того отрога Главнаго Кавказскаго хребта, который отдѣляетъ долину Цахвоа, притока М. Лабы, отъ долины этой послѣдней.

Долина Ачипсты значительно шире, просторнѣе и также

почти сплошь покрыта дремучимъ лѣсомъ, но-преимуществу хвойнымъ. Онъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ до сихъ поръ водятся зубры. Съ сѣверной стороны этой долины виднѣются крутыя зубчатая скалы—отроги горы Ахцархвы, а съ южной поднимается до 7500 фут. другой необыкновенно крутой кряжъ. Гребень его идетъ сначала съ В. на З., а потомъ поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ почти прямо на югъ, напоминая своими изгибами кочергу. Этимъ именемъ называютъ его егеря Кубанской Охоты. Вдали, на западѣ, за долиной Ачипсты виднѣются высокія горы, также разрисованныя полосами и пятнами снѣга. Еще красивѣе выгладитъ просторная, широкая, но болѣе короткая долина Умпыря, о которой вскорѣ будетъ сказано подробно.

Въ лѣтнее время урочище Умпырь можетъ привлекать къ себѣ еще въ другомъ отношеніи. На умпырской полянѣ и сосѣднихъ съ нею открытыхъ мѣстностяхъ растетъ очень много клубники и земляники, которыя въ концѣ іюня и въ іюлѣ бывають унизаны крупными, сочными, душистыми и очень вкусными плодами; здѣсь-же на каменистыхъ мѣстахъ по берегамъ Лабенка всюду попадаетса очень много малины съ еще болѣе вкусными плодами. Этимъ даровымъ угощеніемъ мы могли пользоваться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но этимъ еще не исчерпывается богатство Умпыря: во всѣхъ рѣчкахъ, находящихся по сосѣдству съ нимъ, водится такъ много форели, что наши проводники, отправляясь часа на четыре за рыбой, приносили иногда каждый по полусотнѣ форелей. Большая часть ихъ имѣла въ длину отъ 4 до 5 вершек., но между ними попался одинъ экземпляръ въ 9¹/₂ вершковъ. Форель мы ѣли съ большимъ удовольствіемъ въ вареномъ и жареномъ видѣ. Наконецъ, окрестности Умпыря представляютъ и лучшее въ отношеніи охоты мѣсто во всемъ районѣ Кубанской Великокняжеской Охоты. Здѣсь, особенно въ долину Умпыря, водится много оленей, дивихъ кабановъ; на «Кочергѣ» и горахъ, окружающихъ долину Умпыря, бродятъ цѣлыя стада сернь, а нѣсколько дальше, на Магипо, Луганѣ и другихъ высокихъ горахъ живутъ туры. Медвѣди здѣсь попадаютса до сихъ поръ довольно часто, но количество ихъ сильно уменьшилось за послѣдніе годы вслѣдствіе того, что они, какъ и прочіе хищные звѣри, истребляються всѣми способами въ районѣ Кубанской Охоты *).

*) Во время нашего пребыванія на Умпырѣ сюда пріѣхали три егеря Кубанской Охоты и за недѣлю въ долину Умпыря я Б. Лабы убилъ 8 медвѣдей, считая въ томъ числѣ и медвѣжатъ.

давно въ долину Умпыря водились зубры, но они покинули эти удобныя для нихъ мѣста тогда, когда венгерцы-лѣсопромышленники, имѣющіе лѣсопильный заводъ недалеко отъ Псебая, начали рубить въ этихъ мѣстахъ лѣсъ. Въ урочищѣ Умпырь попадаетея очень много зайцевъ. На срединѣ умпырской поляны построены охотничій лагерь, состоящій изъ маленькаго деревяннаго домика и нѣсколькихъ дощатыхъ барачковъ. Они имѣли для насъ также немаловажное значеніе, такъ какъ въ нихъ мы могли съ удобствомъ укрываться отъ непогоды, которая, къ сожалѣнію, въ эту поѣздку преслѣдовала насъ самымъ безопаснымъ образомъ.

Кромѣ названныхъ уже древесныхъ породъ около Умпыря растутъ довольно много осины, дуба, бука (*Fagus montana* Lipsky), пихты, черноольхи, орѣшника, рододендроновъ (*Azalea Pontica*), можжевельника и т. д. Изъ травянистыхъ растений здѣсь обращаютъ на себя вниманіе *Epilobium angustifolium*, *Delphinium*, *Trifolium arvense*, *Campanula glomerata*, *Spiraea philipendula*, *Lychnis inflata*, *Aconitum Orientale* и т. д. Что касается птицъ, то ихъ на умпырской полянѣ и сосѣднихъ съ нею мѣстахъ мы встрѣчали довольно много. Обыкновеннаго крапивника (*Troglodytes parvulus* L.) здѣсь приходится видѣть и слышать очень часто. Также часто попадаетея обыкновенная синица (*Parus major* L.) и долгохвостая синица (*Mecistura caudata* L.), которыя снуютъ небольшими группами по соснамъ и другимъ деревьямъ, отыскивая насѣкомыхъ. Довольно часто попадаются здѣсь сойки (*Garrulus Krinickii* Bogd.), свигири, стрижи (*Cypselus arus* L.), яблони, пѣночки и два вида плисокъ—обыкновенная (*Motacilla alba* L.) и горная (*Calobates sulphurea* Bechst.). Послѣднія держатся по берегамъ здѣшнихъ рѣчекъ. Но больше всего обращаютъ на себя вниманіе клесты, которые довольно порядочными стайками прилетаютъ утромъ и вечеромъ на разбросанныя по полянѣ сосны. Они кормятся сосновыми сѣменами, очень ловко вылуцивая ихъ изъ шишекъ своимъ оригинально устроеннымъ клювомъ. Подлюжины убитыхъ на Умпырѣ клестовъ оказались принадлежащими къ виду *Loxia curvirostra* L. Старые самцы имѣли окраску болѣе или менѣе красную на верхней сторонѣ тѣла, особенно на надхвостьѣ, и сѣрую на прочихъ частяхъ тѣла; у самокъ-же красный цвѣтъ замѣнялся желтымъ. Летаютъ здѣсь клесты стайками штукъ въ 15-20 и чаще всего садятся на верхушки одиночно стоящихъ сосенъ. При перелетахъ они всегда издають особенный короткій крикъ и, усѣвшись на какую-нибудь

сосну, тотчас принимаются за вылущиваніе ея шишекъ. На умпырскую поляну клесты являются рано утромъ, остаются здѣсь часовъ до семи, потомъ скрываются въ лѣса, а вечеромъ возвращаются снова на поляну. О томъ, что на Умпырѣ водится много клестовъ, я давно слышалъ, но въ этомъ году мнѣ въ первый разъ пришлось добыть этихъ птицъ и убѣдиться въ существованіи ихъ на Кавказѣ *). До сихъ поръ для меня остается непонятнымъ, почему ихъ нѣтъ въ другихъ мѣстахъ западнаго Кавказа, притомъ въ такихъ, которыя ни по климату, ни по растительности, ни по другимъ природнымъ условіямъ не отличаются отъ окрестностей Умпыря. Въ хвойныхъ лѣсахъ верховьевъ Пшехи, отстоящихъ отсюда менѣе, чѣмъ на сотню верстъ, я бывалъ изъ года въ годъ и ни разу не видѣлъ ни одного клеста. Не встрѣчалъ я ихъ никогда въ лѣсахъ Черноморской губерніи и Терской области, хотя и не могу утверждать, что они тамъ не водятся. Вблизи Умпыря я видѣлъ нѣсколько разъ альпійскихъ воронъ (*Fregilus graculus* L.), которыя живутъ на скалахъ по ущелью М. Лабы и Умпыря, и два вида грифовъ—*Vultur cinereus* Naum. и *Gyps fulvus* Gm.

Съ умпырской поляны мною было предпринято нѣсколько экскурсій въ разные стороны. Во время поѣздки къ верховьямъ Умпыря и на перевалъ, который ведетъ изъ долины этой рѣчки на Закавказье, впадающій въ Б. Лабу, я имѣлъ возможность болѣе или менѣе обстоятельно осмотрѣть всю долину Умпыря и ознакомиться съ ея растительностью. Долина эта тянется съ востока на западъ, поэтому правый склонъ ея, обращенный къ югу, находится подъ сильнымъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей; лѣвый-же, обращенный къ сѣверу, получаетъ солнечной теплоты и свѣта гораздо меньше. Зимой, вслѣдствіе очень большой обращенной къ сѣверу крутизны этого склона, на нѣкоторыя мѣста его не падаетъ ни одинъ лучъ солнца въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ. По этой причинѣ снѣгъ, выпавшій на правомъ склонѣ, зимою стаяваетъ часто въ первые же солнечные дни; лежитъ онъ долго только на

---

*) До 80-хъ годовъ о существованіи клестовъ на Кавказѣ говорилъ только А. Нордманъ, путешествовавшій по Кавказу въ 1836 году. Онъ наблюдалъ клестовъ на Аджарскихъ горахъ. Въ этомъ смыслѣ упоминаетъ о нихъ и М. Н. Богдановъ (Птицы Кавказа, стр. 69, 1879 г.). М. А. Мензбиръ говоритъ: «на Кавказѣ клестъ распространенъ, вѣроятно, во всѣхъ хвойныхъ лѣсахъ, хотя пока находки его здѣсь не многочисленны». Съ первымъ положеніемъ, кажется, нельзя согласиться.

болѣ высокихъ мѣстахъ этого склона, находящихся вблизи гребня хребта. Что-же касается лѣваго склона, то на немъ снѣгъ держится въ теченіе не только всей зимы, но и значительной части осени и весны. Этими причинами обуславливается въ свою очередь полная противоположность растительности обонкъ склоновъ. Лѣвая сторона долины Умпыря покрыта сплошь густымъ мрачнымъ низковымъ лѣсомъ, въ которомъ растетъ довольно много ели. Лѣсъ этотъ напоминаетъ лѣса суроваго сѣвера. Вверху онъ окаймляется болѣе или менѣе широкимъ поясомъ березняковъ, за которыми слѣдуютъ уже крутые откосы, покрытые толстыми приземистыми травами, свойственными очень высокимъ мѣстамъ. Что-же касается правой стороны долины, то на ней растутъ грузни, яблони, лыча, боярышникъ, дубъ, вязъ, очень много сосны и жимолости; но попадаются также осина, черемуха и кромѣ того находятся большія пространства, заросшія исключительно жасминомъ. Въ концѣ іюня и началѣ іюля жасминъ былъ усыпанъ такимъ множествомъ желтовато-бѣлыхъ цвѣтовъ, что мѣста, имъ покрытыя, издали казались почти бѣлыми. На этомъ-же склонѣ находится очень много большихъ полей. Тѣ изъ нихъ, которыя расположены вблизи дна долины, заросли густымъ высокимъ бурьяномъ; другія-же, лежація значительно выше, представляютъ прекрасныя горныя луга, исцѣпленные безчисленнымъ множествомъ яркихъ красивыхъ цвѣтовъ. Нѣкоторыя поляны этого склона почти сплошь заросли дикою рожью (*Secale montanum* Guss.). На самомъ верху этого склона растетъ еще много рододендромовъ (*Rhododendron Caucasicum*). Пашоротниковъ въ долинѣ Умпыря также очень много, но они принадлежатъ къ тѣмъ-же родамъ и видамъ, какъ и тѣ, которые растутъ въ ущельѣ М. Лабы. Во времена владычества горцевъ въ долинѣ Умпыря было, какъ говорятъ, два черкесскихъ аула. Что касается самой рѣчки, то она имѣетъ версть 10 въ длину при ширинѣ отъ 1½ до 2 сажень, течетъ очень быстро, несетъ чистую холодную воду и получаетъ начало изъ горъ, отдѣляющихъ долину Лабенка отъ долины Б. Лабы. Умпырь принимаетъ въ себя много горныхъ ручьевъ, которые вытекаютъ изъ склоновъ горъ, окружающихъ долину его. Вдоль всей долины Умпыря тянется тропа, по которой можно проѣхать на переваль, ведущій къ верховьямъ Закана. На немъ даже въ лѣтнее время лежатъ полосы и пятна снѣга.

II.

На другой день по приѣздѣ нашемъ въ урочище Умпырь съ ранняго утра все небо было затянато облаками. Въ горахъ это служить, какъ извѣстно, дурнымъ предзнаменованіемъ въ отношеніи погоды. Дѣйствительно, еще утромъ тучи надъ нами начали быстро разрастаться, и дождь не заставилъ себя долго ждать: начался онъ часовъ съ 9 утра, а ватѣмъ съ нѣкоторыми перерывами шелъ почти весь день. Но въ это самое время мой барометръ началъ быстро подниматься, подавая намъ надежду на хорошую погоду въ близкомъ будущемъ. Предсказаніе его, какъ оказалось, оправдалось въ значительной степени. Ночью небо очистилось, на немъ показались тысячи яркихъ звѣздъ, а утромъ нигдѣ на горахъ не было видно ни одного облачка. Желая возможно полнѣе воспользоваться хорошей погодой, я всталъ до свѣта, наскоро напился кофе, приготовленнаго еще съ вечера, и со своимъ сномомъ и однимъ проводникомъ отправился на горы, возвышающіяся по правую сторону долины Умпыря. Сначала мы ѣхали по густому лѣсу и полянамъ, покрытымъ высокимъ бурьяномъ, потомъ зигзагами начали подниматься на крутую гору, вѣхали въ рѣдкій соснякъ, проѣхали по нему версты двѣ и, наконецъ, выбрались на гребень горы. На все это потребовалось два часа. Здѣсь мы оставили лошадей и пѣшкомъ побрели вдоль гребня на востокъ, по направленію къ хребту Магишо. Подвигаясь въ этомъ направленіи на протяженіи версты четырехъ, мы поднимались все больше и больше и достигли, такимъ образомъ, высоты около 9000 ф. Съ этихъ мѣстъ открываются обширные и очень красивые виды во всѣ стороны, именно на хребетъ Магишо, Луганъ, на всю долину Умпыря, долину М. Лабы и горы, находящіяся въ ея верховьяхъ. Въ особенности хорошо видны отсюда долины притоковъ М. Лабы съ лѣвой стороны. Эти долины всюду покрыты лѣсами, надъ которыми громоздятся высокія скалистыя горы. На нихъ лежатъ небольшія снѣжныя поля, но нѣтъ ни одного глетчера. Хребетъ Луганъ, который тянется за горами, окаймляющими долину Умпыря съ лѣвой стороны, а отчасти и самъ ограничиваетъ ее, также очень высокъ и на немъ находится много снѣжныхъ полей. Одно изъ нихъ имѣетъ довольно порядочные размѣры, представляетъ очень толстый пластъ обледѣлаго снѣга и оканчивается внизу высокимъ отвѣснымъ уступомъ. Это поле можно, пожалуй, считать за фирнъ-глетчеръ. Хребетъ Магишо поднимается также очень высоко, — кромѣ того, онъ крутъ и скалистъ: но

на немъ нѣтъ не только глетчеровъ, но даже снѣжныхъ полей. Съ этихъ-же мѣстъ открывается видъ на оконечность того хребта, который отдѣляетъ ущелье М. Лабы отъ ущелья Цахвоа—довольно большого притока М. Лабы съ правой стороны. Здѣсь видны двѣ короткія балки или котловины и въ нихъ снѣжное поле среднихъ размѣровъ; ледниковъ-же и въ этомъ мѣстѣ нѣтъ. Такимъ образомъ, съ высокихъ горъ, окружающихъ долину Умпыря, не видно ни одного настоящаго глетчера; можно даже сказать съ увѣренностью, что на горахъ, которыя видны съ этихъ мѣстъ и отстоятъ отъ нихъ не особенно далеко (верстъ на 10-15), настоящихъ глетчеровъ нѣтъ вовсе. Къ сожалѣнію, отсюда нельзя было видѣть верховья р. Цахвоа, которая течетъ въ крутомъ, глубокомъ и густо заросшемъ лѣсомъ ущельѣ; въ немъ нѣтъ, къ сожалѣнію, ни одной тропинки, по которой можно было-бы хотя съ большимъ трудомъ пробраться въ истокамъ рѣки и осмотрѣть ихъ.

На склонахъ хребта, по которому мы пробродили большую часть дня, я видѣлъ двухъ медвѣдей, трехъ ланей и десятиа три серны. Кромѣ того здѣсь мы встрѣтили довольно много альпійскихъ воронъ, пустельгу (*Tinnunculus alaudarius* Briss.), нѣсколько грифовъ (*Vultur cinereus* Naum.), стрижей (*Cypselus arvensis* L.) и вспугнули штукъ пять горныхъ тетеревовъ (*Tetrao Mlokosiewiczi* Tatz.). Послѣдніе водятся здѣсь въ изобиліи и весной собираются на тока цѣлыми стаями. Въ этихъ-же мѣстахъ живутъ и горныя индѣйки, но намъ онѣ въ этотъ разъ не попадались. Почти на самомъ гребнѣ этого хребта мною были пойманы двѣ гадюки (*Vipera Renardi*), интересныя по своей окраскѣ, замѣтно отличающейся отъ окраски гадюкъ, живущихъ на мѣстахъ невысокихъ. Обѣ онѣ имѣли сравнительно небольшую величину (очевидно, были еще молодыми) и очень свѣтлый пенельно-сѣрый основной цвѣтъ, по которому были разбросаны на бокахъ, спинѣ и головѣ крупныя черныя пятна. На спинѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, они сливались другъ съ другомъ, образуя характерную для гадюкъ зигзагообразную полосу, въ другихъ-же оставались разъединенными. Одинъ подобный экземпляръ былъ давно пойманъ мною въ верховьяхъ Завана, но онъ отличался отъ этихъ двухъ еще болѣе свѣтлымъ желтовато-бѣлымъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти чисто-бѣлымъ основнымъ цвѣтомъ; по нему также были разбросаны яркія чисто-черныя крупныя пятна, напоминающія блескомъ и цвѣтомъ черный бархатъ. Эта змѣя по своему цвѣту была очень похожа на *Vipera xanthina* Gray, водающуюся въ Ма-

лой Азии, Сирии, Персии и Закавказскомъ краѣ, но рѣзко отличалась отъ нея тѣмъ, что у этой гадюки темя покрыто правильно и симметрично расположенными щитками, а у *Vipera xanthina* мелкими чешуйками. Кроме того, онѣ отличаются и другими признаками *).

Часа въ три дня, когда мы находились у сѣверо-западнаго конца хребта Магишо, погода начала замѣтно портиться. Еще позднее раза два насъ окутывалъ на самомъ гребнѣ хребта такой густой туманъ, что мы съ трудомъ могли ориентироваться и узнавать направленіе, по которому намъ нужно было итти къ своимъ лошадямъ. Въ одномъ мѣстѣ мы едва не заблудились и должны были просидѣть довольно долго, пока туманъ не разошелся. Наконецъ, когда мы добрались до лошадей и хотѣли сѣдлатъ ихъ, чтобы поскорѣе ѣхать внизъ, надъ гребнемъ хребта нависла темно-сѣрая туча и внезапно разразилась буря. Сначала поднялся сильный порывистый вѣтеръ, потомъ посыпался градъ; градъ перешелъ въ крупу, а вмѣстѣ съ нею полилъ проливной дождь. Въ то-же время длинныя, съ ослѣпительнымъ блескомъ молніи, сопровождавшіяся оглушительными ударами грома, которые потрясали, какъ казалось намъ, всю гору, прорѣзывали одна за другой воздухъ и ударили въ гребень хребта въ самомъ небольшомъ разстояніи отъ насъ. Удары грома слышали мы неоднократно вслѣдъ за блескомъ молній, — слѣдовательно, разстояніе до нихъ было дѣйствительно очень малое. Лошади наши въ испугѣ разбѣжались въ разныя стороны, да и наше пребываніе на самомъ гребнѣ горы всего лишь въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ грозовой тучи было рисковано. Чтобы напрасно не подвергать себя опасности, мы набросили непромокаемые плащи, бѣгомъ спустились шаговъ на 300 отъ гребня горы и усѣлись на травѣ, рѣшивъ здѣсь переждать бурю. Когда мы сидѣли такимъ образомъ, еще нѣсколько яркихъ молній ударили въ гребень горы, но крупа уже прекратилась, хотя дождь продолжалъ лить по-прежнему. Прошло еще нѣсколько минутъ, и онъ началъ замѣтно уменьшаться, а вскорѣ и вовсе прекратился. Въ это-же время сталъ затихать вѣтеръ и грозныя тучи понеслись дальше на югъ по ущелью

---

*) Подробное описаніе *Vipera xanthina* съ указаніемъ ея отличительныхъ признаковъ находится въ сочиненіи А. А. Штрауха «Die Schlangen des Russischen Reichs. Mémoires de l'Acad. Imp. des sciences de St.-Petersb. VII serie, tome XXI, № 4. Этими сочиненіемъ пользовался главнымъ образомъ и я при опредѣленіи видовъ *Vipera*.

Лабенка. Спустя еще минутъ 15-20 надъ нами было уже чистое темно-синее небо, на которомъ блестяло яркое солнце; надъ ущельемъ-же Лабенка клубились густыя тучи, блистали молніи, раздавались раскаты грома и лилъ сильнѣйшій дождь. Когда я взглянулъ на гребень, по которому мы пробирались часа три тому назадъ, и на хребетъ Магишо, то они оказались совсѣмъ бѣлыми: на нихъ выпалъ снѣгъ въ то время, когда насъ мочилъ дождь.

Спускаться съ горы намъ пришлось при блескѣ заходящаго солнца и ясномъ небѣ; но въ это время стоило коснуться какой-нибудь вѣтви или деревца, чтобы съ него потекли на насъ цѣлые потоки воды. Съ высокой травы и бурьяна, который достигалъ здѣсь роста человѣка, лилось на насъ воды еще больше, чѣмъ съ деревьевъ и кустовъ; поэтому добрались мы до лагеря совсѣмъ мокрыми.

Часовъ въ 7 пополудни мы были уже на умпырской полянѣ. Въ теченіе всего вечера стояла отличная погода и, когда мы ложились спать, на небѣ блестяли яркія звѣзды. Такимъ образомъ, въ этотъ день погода намъ въ общемъ благопріятствовала и барометръ, слѣдовательно, не обманулъ насъ; бурю-же, продолжавшуюся всего лишь полчаса, можно и не принимать въ расчетъ.

Другая поѣздка съ Умпыря была предпринята мною на переваль, ведущій изъ долины М. Лабы въ долину Завана, впадающаго въ Б. Лабу. Изъ подъ этого перевала вытекаетъ и рѣчка Умпырь. Выѣхавъ я изъ лагеря вмѣстѣ съ двумя егерями, которыхъ управляющій Кубанской Охотой послалъ объѣхать верховья Умпыря и посмотреть, не охотятся-ли тамъ горцы, пасущіе свой скотъ на горныхъ лугахъ. Выѣхали мы въ полдень; передъ вечеромъ насъ засталъ на дорогѣ дождь и принудилъ остановиться и ночевать на одной изъ большихъ полянъ правой стороны долины Умпыря. Здѣсь я невольно обратилъ вниманіе на необыкновенно крупный оранжеваго цвѣта макъ, который, сколько помню, никогда не попадался мнѣ въ другихъ мѣстахъ Кавказа. Въ этотъ же день мнѣ пришлось видѣть въ долинѣ Умпыря тиссъ или негной (*Taxus baccata* L.), который достигаетъ здѣсь довольно значительной высоты и толщины почти въ обхватъ. На слѣдующій день рано утромъ мы отправились дальше, вверхъ по Умпырю. Проѣзжая по полянамъ, заросшимъ большимъ бурьяномъ, мы нѣсколько разъ вспугивали ланей. Такъ какъ на нихъ здѣсь никогда не охотятся, то онѣ часто подпускаютъ къ себѣ человѣка

на самое близкое разстояніе, а нѣкоторые изъ нихъ выскакивали изъ бурьяна чуть не изъ-подъ ногъ нашихъ лошадей. Одна ланка такимъ образомъ не на шутку испугала мою лошадь, которая такъ сильно бросилась въ сторону, что я едва увидѣлъ въ сѣдлѣ. Приблизительно въ полдень мы были на перевалѣ. Онъ поднимается значительно выше верхней границы лѣсовъ и покрытъ болѣе или менѣе тощей травой, въ которой примѣшивается много мховъ и лишайниковъ. Нѣсколько ниже перевала находится большое пространство, густо заросшее рододендронами. На этой высотѣ встрѣчается только одинъ видъ ихъ, именно *Rhododendron Caucasicum*. На болѣе тѣнистыхъ мѣстахъ рододендроны были еще покрыты множествомъ крупныхъ бѣлыхъ цвѣтовъ. Рядомъ съ этими рододендронами и выше ихъ лежали порядочныя массы снѣга, а около нихъ цвѣли хорошенькіе маленькіе альпійскіе цвѣточки, какъ, напр., *Gentiana Pugnaioa* съ чудными синими одиночными цвѣтками, камнеломки (*Saxifraga*), роговики (*Cerastium*), *Draba tridentata*, *Veronica* и нѣкоторые другіе.

Съ этого перевала можно любоваться красивыми видами на цѣлый лабиринтъ горныхъ ущелій и хребтовъ. Они сильно напоминаютъ тѣ картины, которыя открываются съ гребня горъ, ограничивающихъ долину Умпыря съ сѣверной стороны, но отличаются тѣмъ, что отсюда видна еще безконечная панорама на восточное продолженіе Главнаго Кавказскаго хребта, гдѣ горы достигаютъ значительно большей высоты и покрыты гораздо большими массами вѣчныхъ снѣговъ.

Съ Умпырскаго перевала мы спустились тысячи на полторы футовъ въ долину Закана, рѣшивъ переночевать гдѣ-нибудь вблизи лѣса на восточномъ склонѣ хребта Магишо. Тропинка здѣсь идетъ косогоромъ, пересѣкая и огибая нѣсколько крутыхъ балокъ. Съ нея хорошо видны верховья Закана, гдѣ онъ вѣрообразно раздѣляется на множество отдѣльныхъ рѣчекъ, вытекающихъ изъ очень многихъ довольно порядочныхъ снѣжныхъ полей, и долина Б. Лабы, покрытая дремучими хвойными лѣсами. Спускаясь по этой тропѣ, мы увидѣли вдали большого дикаго кабана, который на нашихъ глазахъ скрылся въ отдѣльной небольшой балкѣ, заросшей лѣсомъ, и не выходилъ изъ нея. Мы рѣшили устроить на него облаву, при чемъ я долженъ былъ зайти снизу, со стороны лѣса, а мои спутники пугнуть кабана отъ верховьевъ балки. Охота наша, однако, не удалась, такъ какъ кабанъ выскочилъ изъ балки прежде, чѣмъ мы успѣли занять свои мѣста. При

спускъ съ перевала мы вслугнули штукъ пять горныхъ тетеревовъ, видѣли много альпійскихъ воронъ, снигирей, дроздовъ-деребъ, грифовъ, въ томъ числѣ грязнаго сипа (*Neophron percnopterus* L.), и въ нѣсколькихъ мѣстахъ слышали крикъ горныхъ индѣекъ.

Часа въ два пополудни мы сдѣлали приваль верстахъ въ 4 отъ перевала и недалеко отъ опушки лѣса. Вокругъ насъ разстилались пышные горные луга, на которыхъ горцы еще не успѣли выбить траву своей барантой; на нихъ росли рѣдкія деревья, главнымъ образомъ пихты, сосны, осины и красивый, съ красными, какъ кровь, летучками горный кленъ (*Acer Trautvetteri* Medw.). Подъ однимъ такимъ кленомъ мы разбили палатку. На разстояніи около версты отъ насъ поднимались отвѣсной стѣной высокія и крутыя скалы хребта Магишо. Напившись чаю и отдохнувъ послѣ довольно продолжительной ѣзды, я думалъ отправиться съ однимъ изъ егерей поискать кабановъ или медвѣдей, но въ это время пошелъ дождь, который заставилъ насъ безвыходно просидѣть въ палаткѣ нѣсколько часовъ. Онъ не переставалъ въ теченіе цѣлаго вечера и почти всей ночи.

На слѣдующій день погода была еще хуже. Съ ранняго утра по всѣмъ высокимъ горамъ ползали густыя свинцово-сѣрыя тучи, а часамъ къ семи онѣ разрослись настолько, что закрыли почти всѣ вершины горъ; еще нѣсколько позднѣе густой туманъ спустился внизъ, окуталъ нашу стоянку и все окружающее насъ пространство. Вскорѣ пошелъ и дождь, который съ небольшими перерывами продолжался до самаго вечера. Весь день мы должны были сидѣть какъ во тьмѣ. Хотя у меня не было здѣсь особеннаго дѣла, но ѣхать отсюда назадъ, на Умшрь, въ такую погоду, да еще черезъ высокій переваль, было невозможно; приходилось волей-неволей оставаться на мѣстѣ до слѣдующаго дня и ждать лучшей погоды. За часъ до захода солнца она вдругъ начала быстро измѣняться: горы стали освобождаться отъ тучъ и облаковъ, между ними показалось темно-синее небо, выглянуло солнце и облило своими лучами горы. Въ это время передъ нашими глазами открылась такая дивная картина, которая своей красотой превосходила большую часть самыхъ лучшихъ видовъ, встрѣчавшихся мнѣ во время путешествій по наиболѣе высокимъ мѣстамъ Кавказа. Особенную красоту придавало ей необыкновенно эффектное освѣщеніе косыми лучами заходящаго солнца. Широкая, просторная долина Б. Лабы и преимущественно та часть ея, которая покрыта дремучими хвойными лѣсами и

известна подъ именемъ Загдана, была превосходно видна на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ. Вдали, гдѣ кончались лѣса, эта долина замыкалась гигантскимъ барьеромъ остроконечныхъ зубчатыхъ скалъ Главнаго Кавказскаго хребта. Онѣ были испещрены широкими полосами снѣга, между которыми лежали кромѣ того большія снѣжныя и глетчерныя поля. Все это было освѣщено солнцемъ необыкновенно ярко и какъ будто-бы горѣло въ огнѣ; самое-же дно долины, начиная отъ подножья замыкающихъ ее скалъ, было наполнено густыми клубящимися облаками. По обвѣмъ сторонамъ этой долины тянулись высокія горы, внизу покрытыя лѣсомъ, а наверху горными лугами, надъ которыми громоздились еще высокія обрывистыя скалы. Всѣ вершины ихъ и большая часть склоновъ также были залиты необыкновенно яркимъ золотисто-желтымъ свѣтомъ заходящаго альпійскаго солнца. Темными и мрачными представлялись лишь густые хвойныя лѣса, растущіе по дну долины и наиболѣе низкимъ мѣстамъ ея. Когда солнце садилось, долины постепенно наполнялись синеватой полупрозрачной мглой, а окаймляющіе ихъ гребни горъ еще съ четверть часа продолжали блестять, залитые лучами солнца. Почти въ это-же время изъ-за горъ надъ верховьями Лабы показалась полная луна и облила горы своимъ магическимъ свѣтомъ.

На слѣдующее утро погода была прекрасная. Часа три мы употребили на осмотръ окрестностей нашей стоянки, а затѣмъ отправились въ обратный путь. Не доѣзжая до перевала, ведущаго въ долину Умпыря, мы свернули влѣво, проѣхали на югъ версты полторы и здѣсь оставили лошадей. Отсюда мы отправились пѣшкомъ вдоль хребта, ограничивающаго долину Умпыря съ юго-восточной стороны. Это и есть хребетъ Луганъ. Гребень его состоитъ частью изъ скалъ, частью изъ осыпей, на которыхъ лежатъ во многихъ мѣстахъ сугробы снѣга, но растительность на немъ гораздо бѣднѣе, чѣмъ на хребтѣ, ограничивающемъ долину Умпыря съ правой стороны. Здѣсь часто попадались крошечныя генціаны (*Gentiana Puganaica*), желтыя фіалки (*Viola Altaica*), *Saxifraga*, *Gnaphalium*, много мховъ, лишайниковъ и т. д.: на обращенной же къ сѣверу тѣневой сторонѣ этого хребта кавказскій рододендронъ образуетъ густыя сплошныя заросли, которыя тянутся на цѣлыя версты. Здѣсь-же мы видѣли горныхъ индѣекъ, стадо сернь и очень много турьихъ слѣдовъ, но сами туры отсюда уже перекочевали, такъ какъ на склонахъ Лугана, обра-

пешныхъ къ Занану, карачаевскіе настужи уже пасли своихъ овецъ. Что касается ледниковъ, то ни здѣсь, ни на сосѣднихъ съ Луганомъ хребтахъ мы ихъ не видѣли вовсе.

Когда мы находились на гребнѣ Лугана, то небо снова начало покрываться тучами. Мы посѣгнули къ своимъ лошадямъ и благополучно добрались до нихъ, но на перевалѣ, ведущемъ въ долину Умпыря, насъ снова застала сильнѣйшая гроза съ проливнымъ дождемъ. Мы, не садясь на лошадей, спустились съ перевала сажень на 150 и здѣсь рѣшили переждать дождь. Вокругъ насъ сверкали молніи, а оглушительные удары грома раздавались надъ самыми ушами. Нѣкоторые изъ нихъ были необыкновенно сильны и сопровождались какимъ-то особенно рѣзкимъ и неприятнымъ трескомъ и раскатами. Очевидно, и теперь мы находились почти въ центрѣ грозовой тучи и не могли не опасаться, чтобы одна изъ молній не задѣла насъ. Мы съ полчаса стояли на мѣстѣ въ буржахъ и башлыкахъ, каждый около своей лошади, до тѣхъ поръ, пока ливень не смѣнился мелкимъ дождемъ. Дальше по долину Умпыря мы ѣхали прежней нашей дорогой и въ вечеру благополучно добрались до охотничьяго лагеря, находящагося на умпырской полянѣ.

Съ Умпыря была совершена мною поѣздка и на «Кочергу». Я всталъ очень рано и, когда еще не совсѣмъ разсвѣло, отправился въ путь вмѣстѣ съ двумя проводниками. Полтора часа мнѣ пришлось подниматься по крутой извилистой тропинкѣ верхомъ на лошади, мои-же проводники весь этотъ путь прошли пѣшкомъ. Тамъ, гдѣ начинаются березняки и подъемъ становится еще круче, я слѣзъ съ лошади и отправилъ ее съ однимъ изъ своихъ спутниковъ назадъ, на Умпырь, а съ другимъ пошелъ дальше. Послѣ этого мнѣ пришлось еще почти цѣлый часъ карабкаться на гору, прежде чѣмъ мы выбрались на гребень Кочерги. Обратный путь по этой-же дорогѣ я рѣшилъ совершить пѣшкомъ.

Гребень Кочерги очень узокъ и сильно заостренъ. Онъ представляетъ почти непрерывный рядъ невысокихъ зубчатыхъ скалъ и состоитъ изъ болѣе или менѣе вывѣтрившихся и легко разрушающихся гранитовъ и кварцитовъ. Только въ самой восточной части этотъ гребень замѣтно притупляется, сплошь покрываясь травой съ разбросанными по ней рѣдкими деревьями. Оба склона Кочерги очень круты и сильно отличаются другъ отъ друга по своей растительности. На сѣверномъ склонѣ, тотчасъ за гребнемъ хребта, тянутся на цѣлыя версты сплошныя густыя

заросли кавказскаго рододендрона; подъ ними находится широкій поясъ березняковъ, а еще дальше высокоствольные лѣса, состоящія главнымъ образомъ изъ пихты, ели и бука. Кое-гдѣ попадаются здѣсь можжевельники и вороница (*Empetrum nigrum*), а кавказская черника (*Vaccinium Arctostaphylos* L.) во многихъ мѣстахъ также образуетъ почти сплошныя заросли высотой въ ростъ человека. Преобладающей лѣсной породой для этой мѣстности надо считать кавказскую пихту (*Abies Nordmanniana* Stev.). Горныхъ луговъ на сѣверномъ склонѣ очень мало, а кое-гдѣ на немъ лежатъ сугробы снѣга. Совершенно противоположнымъ характеромъ отличается южный склонъ Кочерги. Здѣсь на широкомъ пространствѣ тянутся до самаго гребня хребта прекрасныя горныя луга изъ различныхъ альпійскихъ травъ высотой болѣе чѣмъ по колено. По этимъ лугамъ разбросано много яркихъ цвѣтовъ и мѣстами красуются рѣдкія сосновыя рощи. Ниже горныхъ луговъ растутъ лѣса, состоящія преимущественно изъ сосны, въ которой примѣшиваются пихта и различныя лиственныя породы.

Пробираясь по самому гребню Кочерги, мы видѣли, но очень далеко, одного медвѣдя и много сернь. Последнїя наслись довольно низко, вблизи лѣса и березовыхъ зарослей, и, очевидно, уже собирались отправиться на отдыхъ. Вблизи гребня Кочерги я наткнулся на крупную ярко-окрашенную ядовитую змѣю. Основной цвѣтъ ея былъ рыжевато-бѣлый и, кромѣ того, бока и спина испещрены чернымъ, какъ уголь, крупными пятнами. Это былъ первый добытый мною на Сѣверномъ Кавказѣ экземпляръ *Vipera xanthina* Gray. Когда я старался посадить ее въ стеклянку, она выбросила изо рта небольшую мышъ, недавно ею проглоченную, и нѣсколько разъ съ яростью кусала мою палку. Я думалъ, что она поломаеть свои тонкіе длинныя ядовитыя зубы, но они оказались совершенно неповрежденными. Длина этой змѣи равнялась полутора футамъ.

Съ Кочерги открываются очень красивыя виды на долину Ачинсты, на Ятыргварту (9061 ф.) съ ея отрогами и многія другія горы. По гребню Кочерги мы прошли довольно далеко, именно до того мѣста, гдѣ она поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ къ югу. Здѣсь мы просидѣли часа два, любуясь горами и разсматривая ихъ то въ бинокль, то въ подзорную трубу, а затѣмъ отправились въ обратный путь. Внизъ по гребню хребта мы прошли почти незамѣтно, такъ какъ идти было очень удобно и легко,

но спускъ съ хребта мнѣ показался безконечнымъ. Вѣроятно, это произошло главнымъ образомъ по той причинѣ, что половину его намъ пришлось пройти послѣ захода солнца, когда уже порядочно стемнѣло, а въ густомъ лѣсу почти ничего не было видно. Последнія версты двѣ мы шли уже совсѣмъ ночью, ощупывая ногами дорогу, натываясь на пеньки или камни и спотыкаясь. На спускъ съ Кочерги мы употребили часъ и три четверти, причемъ нигдѣ не отдыхали ни минуты, и въ половинѣ девятого пришли на Умпырь. Порядочно помучились мы отъ жажды, такъ какъ на Кочергѣ вовсе нѣтъ воды, а той, которую мы захватили въ своей фляжкѣ, было для двоихъ насъ очень недостаточно.

Наиболѣе интересная поѣздка съ Умпыря была предпринята нами къ верховьямъ Лабенка, на переваль Аишхо, находящійся на Главномъ Кавказскомъ хребтѣ, и къ истокамъ Мвымты. Тропинка отъ Умпыря къ этимъ мѣстамъ идетъ вверхъ по ущелью М. Лабы, вдоль лѣваго берега ея, то надъ самой рѣчкой, то на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея. Вблизи Умпыря она переходитъ черезъ Ачипсту, имѣющую здѣсь сажени 2 или 3 въ ширину, а за Ачипстой вступаетъ въ чудный хвойный лѣсъ, состоящій изъ гигантскихъ пихтъ и елей (*Picea Orientalis* Carr.). Многія изъ нихъ достигаютъ трехъ обхватовъ въ толщину и огромной высоты, вѣроятно, не меньшей 80 или 90 аршинъ. Буеъ встрѣчается здѣсь тоже въ значительномъ количествѣ и, кромѣ того, часто попадаются мѣста, густо заросшія исключительно молодыми осинами и березами. Очень много въ этомъ ущельѣ жасмина, смородины, крыжовника и малины. Последняя на мѣстахъ, хорошо согрѣваемыхъ солнцемъ, была унизана спѣлыми плодами, которыми мы здѣсь и пользовались въ изрядномъ количествѣ. По каменистымъ мѣстамъ въ этомъ ущельѣ растетъ очень много кавказской черники (*Vaccinium Arctostaphylos* L.), листья которой употребляются жителями ближайшихъ станицъ и поселковъ какъ чай. Папоротниковъ тоже очень много. Вообще растительность этого влажнаго ущелья болѣе или менѣе сильно напоминаетъ растительность мѣстъ, лежащихъ между Чернорѣчьемъ и Умпыремъ, но здѣсь сильно преобладаютъ хвойныя насажденія, а деревья, любящія болѣе теплый климатъ, какъ, напр., яблони, груши, боярышникъ, отсутствуютъ совершенно. Господствующей лѣсной породой и въ этой мѣстности надо считать кавказскую пихту.

Отъ Умпыря до впаденія въ М. Лабу рѣчки Цахвоа тянется болѣе или менѣе сносная, хотя мѣстами и грязная тропинка;

выше же этого мѣста она сразу становится прескверной, а мѣстами и довольно опасной. Крутые подъемы и спуски попадают на ней почти на каждомъ шагѣ. Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ она такъ завалена камнями, что лошадь съ трудомъ выбираетъ мѣсто, куда можно было бы ступить. Часто эта тропинка вьется надъ такими кручами, свалившимися съ которыхъ едва ли можно остаться въ живыхъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на ней стоитъ топкая грязь, которая въ это лѣто, вслѣдствіе почти ежедневныхъ дождей, сдѣлалась мѣстами очень глубокой. Теченіе Лабенка здѣсь гораздо быстрѣе, чѣмъ вблизи Умшья, и прерывается множествомъ красивыхъ водопадовъ. Во многихъ мѣстахъ рѣчка съ страшнымъ ревомъ прорывается между громадными свалившимися съ сосѣднихъ горъ каменными глыбами. Паденіе ея въ этой части ущелья равняется среднимъ числомъ 80 футамъ на одну версту; вода въ ней имѣетъ чудный голубой цвѣтъ. У водопадовъ она бѣлая и блеститъ какъ серебро.

Верстахъ въ 10 отъ Умшья, на горѣ Цахвоа, находящейся вблизи сѣверной оконечности упомянутого уже хребта, который раздѣляетъ ущелья М. Лабы и р. Цахвоа, находится довольно много снѣга и одинъ короткій, но широкій фирнъ-глетчеръ. Ледъ или обледенѣлый снѣгъ образуетъ здѣсь довольно толстый пластъ и оканчивается отвѣснымъ уступомъ, обращеннымъ къ долинѣ Лабенка. По сторонамъ этого фирнъ-глетчера лежатъ еще широкія полосы снѣга. Очень высокая гора Цахвоа хорошо видна не только изъ Псебая, но и изъ мѣстъ, лежащихъ къ сѣверу отъ него. Она имѣетъ высоту въ 10969 фут. и, слѣдовательно, принадлежитъ къ наиболѣе высокимъ въ этой мѣстности. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея, на хребтѣ, идущемъ съ правой стороны ущелья М. Лабы, находятся еще два глетчера значительно большихъ размѣровъ. Густой лѣсъ мѣшаетъ хорошо разсмотрѣть ихъ съ тропинки; но несравненно лучше видны они съ ветеринарнаго поста, на который мы должны были пріѣхать часа черезъ два. Поэтому я скажу о нихъ подробно при описаніи окрестностей этого поста.

За нѣсколько верстъ до поста тропинка, ведущая къ нему, становится просто отвратительной. Она пересѣкается множествомъ крутыхъ и обрывистыхъ балокъ и балочекъ, тянется по скользкимъ косогорамъ и, кромѣ того, во многихъ мѣстахъ сильно размыва водой; грязи на ней было также немало. Я почти всю ее прошелъ пѣшкомъ. Всѣмъ намъ она надоѣла страшно. На пере-

ѣздъ отъ Умныря до ветеринарнаго поста мы употребили пять часовъ и несказанно обрадовались, увидѣвъ наконецъ его. Намъ принялъ очень радушно проживавшій здѣсь по дѣламъ службы ветеринарный врачъ П. А. Петровъ, мой хорошій знакомый. Для него въ этомъ мѣстѣ выстроены маленькій деревянный домикъ въ одну комнату, а для стражниковъ деревянный баракъ.

Постъ этотъ находится около самаго берега Лабенка посреди небольшой поляны, расположенной на днѣ узкаго глубокаго ущелья на высотѣ 5000 ф. надъ уровнемъ моря. Отъ перевала Аишко онъ отстоитъ версты на 8. Горы, которыя тянутся по сторонамъ ущелья около поста, очень высоки и также покрыты густымъ хвойнымъ лѣсомъ, состоящимъ главнымъ образомъ изъ пихты довольно крупныхъ размѣровъ. Надъ этими лѣсами грозятся высокія крутыя скалы, а кое-гдѣ находится кромѣ того довольно широкая полоса горныхъ луговъ. На полянѣ около поста также растутъ стройныя пихты и горный кленъ (*Aser Trautvetteri Medw.*).

Верстахъ въ двухъ ниже поста въ Лабенокъ впадаетъ среднихъ размѣровъ горная рѣчка. Довольно прямая долина ея значительно протяженіи покрыта хвойными лѣсами и березовыми зарослями и имѣетъ версты 8 въ длину. Я хорошо видѣлъ ее съ горъ, находящихся вблизи ледника, изъ котораго вытекаетъ западный истокъ М. Лабы. Недалеко отъ верховьевъ рѣчки долина ея раздѣляется на три большихъ и нѣсколько меньшихъ балокъ, начинающихся на склонѣ Главнаго Кавказскаго хребта. Въ нихъ лежатъ довольно порядочныя снѣжныя поля, но нѣтъ вовсе ледниковъ. Одинъ стражникъ, которому недавно пришлось побывать въ долинѣ этой рѣчки, также говорилъ мнѣ, что въ верховьяхъ ея находятся только снѣжныя поля, довольно пологія и лишеныя трещинъ, но нигдѣ не видно настоящаго, снѣга, по его словамъ, льда. Вытекаетъ эта рѣчка изъ Главнаго Кавказскаго хребта верстахъ въ 3 къ востоку отъ горы Аишко.

Постъ занимаетъ не особенно хорошее мѣстоположеніе: его черезчуръ сильно тѣснятъ со всѣхъ сторонъ горы и лѣсъ. Но великимъ украшеніемъ ему служатъ тѣ два глетчера, о которыхъ я уже упоминалъ недавно. Хотя они отстоятъ отъ поста версты на четыре, но въ ясную погоду видны превосходно. Они свѣшиваются съ высокаго хребта, находящагося по правую сторону ущелья маленькой рѣчки, которая впадаетъ въ Лабенокъ съ правой стороны верстахъ въ 5 ниже поста. Ледники главнымъ образомъ и пита-

ють эту рѣчку. Одинъ изъ нихъ имѣеть довольно порядочные размѣры. Верхняя часть его очень полого, тянется почти съ востока на западъ и почти сплошь покрыта снѣгомъ, изъ подъ котораго только кое-гдѣ проглядываетъ синеватый ледъ. Эта часть ледника имѣеть въ длину, вѣроятно, версты полторы. Трещинъ на ней почти нѣтъ, а по обѣимъ сторонамъ ея тянутся высокіе гребни изъ черныхъ остроконечныхъ зубчатыхъ скалъ, очень изящно украшенныхъ извилистыми полосами снѣга, который на черномъ фонѣ скалъ выдѣляется очень рельефно. Спустившись до крутого уступа горы, ледникъ перегибается черезъ него, поворачивается подъ прямымъ угломъ вправо и принимаетъ направленіе почти съ Ю. на С. Здѣсь онъ пересѣкается множествомъ глубокихъ трещинъ, большая часть которыхъ совпадаетъ съ мѣстомъ наиболѣе сильнаго перегиба ледника. На этомъ корогѣ ледникъ уже не покрытъ снѣгомъ и имѣеть настоящій голубоватый или зеленовато-голубой цвѣтъ льда. Выступомъ скалы онъ раздѣляется въ этомъ мѣстѣ на два языка. Лѣвый изъ нихъ (если смотрѣть внизъ) гораздо шире праваго, но оба они спускаются до одной высоты и оканчиваются на крутыхъ почти голыхъ скалахъ, которыя лишь кое-гдѣ покрыты тощими березовыми кустиками. Судя по этому, можно думать, что ледникъ оканчивается на высотѣ около 7 или 7½, тысячь футовъ. Онъ смѣло можетъ быть отнесенъ къ ледникамъ второго разряда. Вся длина его равняется, вѣроятно, верстамъ 2 или 2¼. Великою онъ, вѣроятно, превосходитъ прочіе ледники верховьевъ М. Лабы. Изъ него вытекаетъ рѣчка длиною версты въ 4. Она имѣеть громадное паденіе и вся состоитъ изъ водонадоевъ.

Рядомъ съ этимъ ледникомъ располагается другой, имѣющій въ нѣсколько разъ меньшіе размѣры и представляющій въ сущности обледенѣлое снѣжное поле или фирнъ-глетчеръ. Длина его только раза въ три превосходитъ ширину, а спускается онъ лишь до того крутого уступа горы, гдѣ первый ледникъ образуетъ упомянутый перегибъ. Около этого глетчера также лежитъ нѣсколько широкихъ и узкихъ долей снѣга; онѣ спускаются даже значительно ниже глетчера. Изъ подъ нижняго конца этого послѣдняго вытекаетъ до десятка быстрыхъ горныхъ потоковъ, которые впадаютъ въ рѣчку, получающую начало изъ перваго глетчера. Между обоими глетчерами поднимаются очень крутыя высокія черныя скалы, также украшенные полосами и пятнами снѣга.

Лѣвѣе меньшаго глетчера, на одной съ нимъ высотѣ, на-

ходится красивая покрытая зеленой травой балка съ пологими склонами, въ особенности въ нижней ея части. Въ ней лежитъ довольно порядочное снѣжное поле, а также полосы и пятна снѣга; но всё они, какъ говорили мнѣ стражники, къ концу лѣта стаиваютъ совершенно. Балка эта, также какъ и ледникъ, очень трудно доступна, потому что обрывается къ рѣчкѣ такимъ крутымъ уступомъ, по которому подняться человѣку почти невозможно.

На посту мы видѣли снигирей, горныхъ плисокъ, горныхъ овсянокъ (*Emberiza cia*), кукушекъ и черноголовыхъ соекъ (*Gagulus Krinickii* Bogd.). Я забылъ еще сказать, что по дорогѣ отъ Умпыря къ посту мы вспугнули трехъ вальдшнеповъ и одного изъ нихъ недалеко отъ поста. Нѣсколько штукъ ихъ я видѣлъ въ долинѣ Мзымты, а егеря Кубанской Охоты говорили мнѣ, что на умпырской полянѣ въ сумерки, въ лѣтнее время, имъ не разъ приходилось видѣть перелеты вальдшнеповъ, напоминающіе тягу. Наконецъ, управляющій Кубанской Охотой Э. К. Ютнеръ наблюдалъ здѣсь настоящую тягу вальдшнеповъ, сопровождающуюся извѣстнымъ крикомъ ихъ («корканьемъ и циканьемъ»), и охотился за ними въ июнѣ во время таги, дѣлая по нѣскольку выстрѣловъ въ вечеръ. Тага бываетъ здѣсь въ маѣ и июнѣ. Все это доказываетъ, что вальдшнепы въ этихъ мѣстахъ гнѣздятся. Немало удивило меня присутствіе на посту, на высотѣ 5000 фут., летающихъ вечеромъ и ночью свѣтляковъ (*Lampyris splendens*).

Съ поста мы предприняли сначала недалекую поѣздку къ леднику, находящемуся въ верховьяхъ самаго западнаго истока Лабенка, а затѣмъ уже на перевалъ Аишхо и къ верховьямъ Мзымты.

Переночевавъ на посту, на слѣдующій день, часовъ въ 11 утра, мы отправились въ путь. Чтобы дать отдохнуть своимъ лошадямъ, мы оставили ихъ на посту, а для поѣздки къ леднику наняли на полтора дня трехъ лошадей у ветеринарныхъ стражниковъ. Намъ надо было проѣхать всего лишь нѣсколько верстъ, но по очень скверной дорогѣ, и, кромѣ того, переправиться вбродъ черезъ 2-3 рѣчки. Оставивъ влѣво тотъ истокъ М. Лабы, который вытекаетъ изъ-подъ Аишхо, мы направились вверхъ по долинѣ западнаго истока ея. Онъ шире и многоводнѣе, чѣмъ первый, имѣетъ всего лишь версты три въ длину и начинается въ красивой котловинѣ, обставленной почти со всѣхъ сторонъ очень высокими горами. Особенно высокъ тотъ гребень,

который ограничивает котловину эту съ сѣверо-западной стороны и отдѣляетъ ее отъ ущелья одного изъ истоковъ Уруштена. Широкое и ровное дно этой обширной котловины имѣетъ очень слабый наклонъ къ востоку и представляетъ роскошный альпійскій лугъ, устланный безчисленнымъ множествомъ пышныхъ гераній (*Geranium pratense*), астранцій (*Astrantia helleborifolia* и *A. Biebersteiniana*), аконитовъ (*Aconitum Orientale*), буковицъ (*Betonica grandiflora*), блѣдно-розовыхъ *Polygonum Bistorta*, генціанъ и т. д. Но особенно много здѣсь красивыхъ и пахучихъ крупныхъ незабудокъ. Ихъ въ четверть часа можно было-бы набрать не букетъ, а цѣлую вязанку. Снѣга—остатки свалившихся зимою и весною лавинъ—видны во многихъ мѣстахъ на склонахъ горъ, а кое-гдѣ они спускаются даже до самаго дна котловины. По сторонамъ ихъ растутъ березовыя заросли и густыя заросли кавказскаго рододендрона (*Rhododendron Caucasicum*). Рѣчка, вытекающая изъ ледника, разбившись на нѣсколько рукавовъ, извивается по дну котловины. Въ нее впадаетъ еще нѣсколько довольно большихъ горныхъ ручьевъ, получающихъ начало на склонахъ горъ, которыя ограничиваютъ съ боковъ котловину. Всѣ они текутъ довольно медленно вслѣдствіе слабой покатости дна долины. Посрединѣ ея, приблизительно въ верстѣ отъ нижняго конца ледника, мы разбили свою палатку. Высота этого мѣста, по приблизительному опредѣленію, равняется 6500 ф. надъ уровнемъ моря. Съ него открывается, между прочимъ, прекрасный видъ на тѣ два ледника, которые находятся недалеко отъ поста. На этомъ мѣстѣ мы должны были переночевать, чтобы на слѣдующій день съ разсвѣтомъ предпринять восхожденіе на упомянутый уже очень высокій хребетъ, ограничивающій съ лѣвой стороны долину этого истока Лабенка, и, кромѣ того, побывать на ледникѣ. Мои болѣе молодые и нетерпѣливые спутники задумали подняться на этотъ хребетъ, не дожидаясь слѣдующаго утра, и отправились часа за три до захода солнца въ путь, несмотря на то, что я указывалъ имъ на невозможность совершить восхожденіе на этотъ высокій гребень въ такое короткое время. Сначала они пошли очень быстро, потомъ значительно тише и закончили восхожденіе тѣмъ, что, не добравшись и до половины горы, повернули назадъ.

На слѣдующій день съ разсвѣтомъ на эту же гору отиравился я, Г. С. В. и одинъ изъ нашихъ проводниковъ. Подъемъ былъ очень крутъ и страшно длиненъ; кромѣ того, онъ пересѣкал-

ся во многихъ мѣстахъ хотя и небольшими, но очень обрывистыми балками, перебираться черезъ которыя было не легко. При началѣ подъема мы встрѣтили довольно богатую растительность изъ различныхъ травъ, достигавшихъ роста въ поясъ человѣка и даже выше; здѣсь-же попадались заросли рододендроновъ. Но, чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ растительность становилась все бѣднѣе и бѣднѣе, а уже на половинѣ горы вмѣсто высокихъ травъ и бурьяновъ появились приземистыя *Draba scabra*, *Dryas octopetala* съ довольно крупными цвѣтками, *Saxifraga exarata*, *S. muscoides*, *S. cartilaginea*, *Cerastium*, чудныя темно-синія генціаны (*Gentiana Pyrenaica*), желтыя фіалки (*Viola Altaica*), *Fritillaria latifolia* и т. д. На этихъ-же мѣстахъ, гдѣ каждую ночь бываетъ морозъ и зима властвуетъ въ продолженіе мѣсяцевъ девяти, я снова наткнулся на очень толстую и ярко окрашенную гадюку (*Vipera xanthina* Gray), грѣвшуюся на солнцѣ. Она оказалась очень злой и нѣсколько разъ съ остервенѣніемъ хваталась своими ядовитыми зубами за палку, прежде чѣмъ мнѣ удалось сдѣлать ей уколъ въ голову кончикомъ ножа и посадить ее полуживою въ мѣшочекъ, бывший у меня въ карманѣ. Основной цвѣтъ этой гадюки былъ также свѣтло-рыжій, даже рыжевато-бѣлый, и по нему располагались правильными рядами круглыя на бокахъ и продолговатыя на спинѣ черныя, какъ уголь, пятна. Нижняя сторона этой змѣи синеvато-черная съ мелкими почти бѣлыми пятнами и полосками.

Другая интересная находка этого дня заключалась въ попадавшихся намъ почти на каждомъ шагѣ слѣдахъ, которые оставлены въ этой долинѣ древними ледниками. Обтертые, поцарапанные и отшлифованные льдомъ утесы, такъ называемые «бараньи лбы» (*roche moutonnée*) и «курчавыя скалы» при восхожденіи на гору мы встрѣчали въ очень многихъ мѣстахъ. Такія скалы я замѣтилъ еще вчера по дорогѣ отъ поста къ нашей стоянкѣ. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ два истока Лабенка сливаются вмѣстѣ, надъ самой тропой находится цѣлая гора, сильно обтертая льдомъ и представляющая настоящую «курчавую скалу». Подобныя-же скалы, хотя гораздо меньшихъ размѣровъ, находятся и въ другихъ мѣстахъ по сторонамъ этой тропинки. Очень много ихъ я встрѣтилъ при восхожденіи на гору на высотѣ сажень 50 надъ дномъ долины, а еще больше при дальнѣйшемъ восхожденіи, на значительно большей высотѣ. Находятся онѣ и на противоположной сторонѣ долины, но

еще больше ихъ вблизи нижняго конца ледника, изъ котораго получаетъ начало этотъ истокъ Лабенка. Во многихъ мѣстахъ здѣсь довольно ясно замѣтны и древнія морены. Все это показываетъ, что въ ледниковый періодъ почти вся эта долина была наполнена глетчерами, которые спускались въ нее какъ съ Главнаго Кавказскаго хребта, такъ и съ горъ, ограничивающихъ ее съ боковъ.

Подъемъ на хребетъ вмѣстѣ съ очень непродолжительными остановками продолжался шесть часовъ. Когда до вершины гребня оставалось съ часъ ходьбы, намъ пришлось перебираться черезъ снѣгъ и очень обрывистыя скалистыя балки. За ними потянулись осыпи, по которымъ мы поднимались еще не менѣе получаса. Гребень хребта былъ отъ насъ, повидимому, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ, но разстояніе до него во время нашего восхожденія сокращалось крайне медленно, несмотря на то, что подъ конецъ мы шли, останавливаясь лишь на самое короткое время для того только, чтобы перевести духъ. Наконецъ, послѣ тяжелыхъ трудовъ и долгаго ожиданія мы очутились на самомъ гребнѣ хребта. Чудные виды, которые открылись въ это время передъ нашими глазами, послужили вознагражденіемъ за наши труды. Отсюда я увидѣлъ множество горъ, долинъ и ущелій, на которыхъ бывалъ неоднократно, и теперь съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на своихъ старыхъ знакомыхъ. Горы между Большой и Малой Лабой, почти всѣ долины и ущелья истоковъ М. Лабы, перевалъ Аишхо, большая часть долины Уруштена, Ятыргварта, Чилисы (Джуга), Чортовы ворота, Тхачъ и безчисленное множество другихъ болѣе далекихъ горъ—все это было видно прекрасно. Въ это время больше всего бросилось мнѣ въ глаза рѣзкое различіе горъ, возвышавшихся на западѣ и на востокѣ. На западѣ онѣ были почти лишены снѣговъ, за исключеніемъ лишь 2-3 отдѣльныхъ горныхъ группъ, покрыты лѣсами и зелеными лугами, имѣли болѣе или менѣе вѣжнй, ласкающій взоры видъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ становились ниже и ниже. На востокѣ-же тянулась безконечная цѣпь болѣе высокихъ остроконечныхъ зубчатыхъ горъ, на склонахъ которыхъ вмѣсто лѣсовъ и луговъ блестѣли вѣчные снѣга и льды.

За гребнемъ, въ сторонѣ, противоположной той, съ которой мы поднимались, находилось необыкновенно глубокое ущелье. Въ немъ течетъ довольно большой притокъ Уруштена съ правой стороны. Онъ получаетъ начало на склонахъ Главнаго хребта въ

той части его, которая находится между перевалами Аишхо и Псеашхо. Спускъ въ это ущелье былъ крутъ до невозможности. Отъ самаго гребня здѣсь обрывался почти отвѣсный уступъ высотой, можетъ быть, сажень въ 300. Когда я стоялъ на краю его, то страшно и жутко было смотрѣть внизъ, въ эту бездну. Такія высокія и крутыя скалы не часто приходится видѣть въ горахъ. Несмотря на страшную крутизну ихъ, и здѣсь кое-гдѣ были замѣтны тропы и на нихъ слѣды туровъ. По этимъ тропамъ туры перебирались, какъ замѣтно, съ одной стороны гребня на другую, пользуясь самымъ узкимъ карнизомъ или самымъ незначительнымъ выступомъ скалъ.

Противоположная, т. е. лѣвая сторона находившагося передъ нами ущелья была гораздо положе и почти всюду покрыта травой. Лѣса въ этой части ущелья не растутъ, а въ самомъ началѣ его на склонахъ Главнаго хребта находится два довольно порядочныхъ снѣжныхъ поля; глетчеровъ здѣсь нѣтъ вовсе.

Только что описанное восхожденіе на хребетъ не прошло для меня безъ пользы, такъ какъ съ гребня его я могъ осмотрѣть верховья упомянутаго уже притока Уруштена*), которыхъ раньше не видѣлъ, почти съ высоты птичьяго полета осмотрѣлъ весь ледникъ, находящійся недалеко отъ того мѣста, гдѣ разбита была моя палатка, и, наконецъ, хотя издали окинулъ взоромъ всѣ горы и ущелья вблизи перевала Аишхо и убѣдился такимъ образомъ въ бѣдности глетчерами этой части Кавказа **).

На спускъ съ хребта мы употребили часа три, но этотъ спускъ наскучилъ мнѣ гораздо больше, чѣмъ подъемъ. Въ одномъ мѣстѣ я долженъ былъ перейти черезъ небольшое, но очень крутое снѣжное поле, внизу котораго были нагромождены острые угловатые обломки скалъ. Я шелъ по твердому снѣгу, вонзая въ него свою палку, и, прежде чѣмъ сдѣлать шагъ, выбивалъ каблукомъ сапога ступеньку. Пройдя болѣе половины снѣжнаго поля, я увидѣлъ, что въ нижней части оно гораздо круче, чѣмъ казалось мнѣ сверху. Спускаться по нему было очень трудно и небезопасно; взобраться-же вверхъ, прежней дорогой, чтобы совершенно обойти снѣгъ, было еще опаснѣе, такъ какъ при подъемѣ нельзя бы-

---

*) Онъ обозначенъ на пятиверстной картѣ Кавказа, но не названъ никакимъ именемъ.

**) Съ этого же гребня мнѣ удалось видѣть истоки той небольшой рѣчки, которая впадаетъ въ Лабенокъ немного ниже поста. Тамъ лежатъ полосы и пятна снѣга, но также нѣтъ глетчеровъ.

ло опираться всей тяжестью тѣла на каблуки и такимъ образомъ избѣгать опасности поскользнуться и скатиться внизъ. Волей-неволей пришлось продолжать путь въ томъ-же направленіи. Въ это время я какъ-то нечаянно упустилъ свою палку, которая очень помогала мнѣ спускаться, и она быстро покатила внизъ до конца снѣжнаго поля. Я очутился въ очень непріятномъ положеніи и въ первыя минуты не зналъ даже, что предпринять. Надо замѣтить, что въ это время со мною не было никого, такъ какъ мой проводникъ, желая заглянуть въ одну балку, ушелъ въ сторону. Подумавъ немного, я убѣдился, что и теперь для меня выбора никакого нѣтъ и что необходимо во что-бы то ни стало продолжать спускаться. Надо было пройти съ большой осторожностью еще шаговъ сорокъ по очень крутому откосу, состоящему изъ твердаго слежавшагося снѣга, стараясь не поскользнуться и не полетѣть на острые камни. Балансируя на одной ногѣ и выбивая другой ступеньки въ снѣгу, я благополучно добрался до конца снѣжнаго поля.

Спускаясь съ хребта, я вспугнулъ нѣсколько штукъ горныхъ тетеревовъ и въ томъ числѣ самокъ съ цыплятами. Двухъ птенцовъ, ростомъ съ перепелку, мы поймали, но тотчасъ-же снова выпустили на волю. Животъ у нихъ былъ еще покрытъ зеленоватымъ пушкомъ, а спинка и крылья рыжевато-сѣрыми перышками. Звѣрей въ этой дикой мѣстности мы видѣли очень мало, именно только трехъ сернъ. Эту скудость дичью надо приписать тому, что имеретинны-пастухи уже пригнали сюда свой скотъ и, очевидно, распугали туровъ и сернъ. Въ этой мѣстности мы видѣли нѣсколько небольшихъ, но очень красивыхъ горныхъ озеръ съ чистой, прозрачной темно-зеленой водою.

Къ палаткѣ мы возвратились часа въ три пополудни. Отдохнувъ немного, я отправился къ леднику. Сначала нужно было пройти съ версту по ровному почти дну долины, а затѣмъ повернуть подъ прямымъ угломъ влѣво и, придерживаясь рѣчки, вытекающей изъ ледника, подняться на крутой уступъ, продолженіе котораго служить ложемъ леднику. Довольно большая и многоводная рѣчка шириною аршинъ въ 10 несется здѣсь съ ужасной быстротою по узкой мрачной тѣснинѣ, обставленной съ боковъ высокими скалами. Дно тѣснины представляетъ непрерывный рядъ большихъ пороговъ, съ которыхъ низвергается рѣчка, образуя множество водопадовъ. Пробраться по этой тѣснинѣ довольно трудно и во многихъ мѣстахъ приходится не итти, а карабкаться

ся со скалы на скалу, употребляя въ дѣло руки и ноги, и все время быть подъ дождемъ брызгъ, разлетающихся отъ рѣчки. Своимъ ревомъ она наполняетъ все ущелье. Во многихъ мѣстахъ рѣчка скрывается подъ сугробами снѣга, а потомъ снова выходитъ на свѣтъ. Нижняя часть глетчера также завалена большой массой снѣга, поэтому нельзя съ точностью указать, гдѣ именно оканчивается она. По моему приблизительному опредѣленію, этотъ глетчеръ, принадлежащій Главному Кавказскому хребту, спускается до высоты около 7300 ф. надъ ур. моря. Онъ тянется приблизительно съ Ю. на С., но дѣлаетъ два пологихъ изгиба, напоминая, такимъ образомъ, букву S. Въ средней части онъ пологъ, а въ верхней и самой нижней довольно крутъ. Большая часть его поверхности покрыта снѣгомъ, а голубовато-зеленый ледъ ясно обнаруживается въ нижней половинѣ ледника и вверху при началѣ его. Средняя ширина глетчера равняется сажениамъ 100, а длина—верстамъ 1¹/₂, или 2. Большихъ снѣжныхъ полей около него нѣтъ вовсе. Для этой части Кавказа, бѣдной снѣгами, и такой глетчеръ долженъ считаться болѣе или менѣе значительнымъ. Небольшія морены лежатъ съ лѣвой стороны ледника; онѣ также почти вездѣ были покрыты снѣгомъ. Съ обѣихъ сторонъ ледника поднимаются высокія, крутыя, обрывистыя скалы, на которыхъ почти нигдѣ нѣтъ ни клочка зелени.

III.

Возвратившись съ ледника, я вмѣстѣ съ своими спутниками въ тотъ-же день отправился на постъ. Мы предполагали пробыть тамъ день, а затѣмъ ѣхать на переваль. Наканунѣ отъѣзда я велѣлъ своимъ проводникамъ рано утромъ отыскать нашихъ лошадей и привести ихъ на постъ, но почти до полудня ждали мы ихъ напрасно. Наконецъ, явился одинъ изъ проводниковъ и объявилъ, что двухъ лошадей онъ привелъ, но прочія три куда-то исчезли. Это насъ очень обезпокоило, потому что лошади за двое сутокъ могли уйти такъ далеко, что на розыски ихъ пришлось бы употребить нѣсколько дней; кромѣ того, онѣ могли быть украдены и отведены куда-нибудь вродѣ Сухума, Адлера и тамъ перепроданы. Нашъ гостепріимный хозяинъ П. А. Петровъ обѣщалъ намъ отправить на слѣдующій день всѣхъ своихъ стражниковъ въ поиски за лошадьми и, дѣйствительно, сдѣлалъ это, но мы снова напрасно прождали лошадей до полдня. Чтобы не терять времени и притомъ, можетъ быть, въ напрасныхъ ожиданіяхъ, я

предложил своимъ спутникамъ совершить оставшуюся часть нашего путешествія пѣшкомъ, употребивъ имѣющихся у насъ лошадей подъ вьюки изъ самыхъ необходимыхъ вещей, именно провизіи, теплаго платья и палатки. Все-же прочее, не составлявшее предметовъ первой необходимости, я рѣшилъ оставить на посту до нашего возвращенія. Въ число этихъ предметовъ попалъ, къ большому сожалѣнію, и мой фотографическій аппаратъ. Хотя намъ предстояло такимъ образомъ пройти не менѣе 120 верстъ по самымъ гористымъ мѣстамъ и въ то-же время совершить переходъ черезъ Главный Кавказскій хребетъ, но никто противъ моего предложенія не протестовалъ, и мы въ тотъ же день съ двумя лошадьми и двумя проводниками выступили съ поста. П. А. общалъ, впрочемъ, отправить по нашимъ слѣдамъ лошадей, если онѣ будутъ скоро найдены.

Версты двѣ прошли мы по знакомой намъ дорожкѣ, перебравшись черезъ рѣчку, вытекающую изъ описаннаго уже мною ледника, а затѣмъ повернули влѣво, въ долину того истока Лабенка, который вытекаетъ изъ подъ перевала Аишхо. Едва замѣтная тропинка, по которой имеретинцы гоняютъ на пастбу свой скотъ, тянулась здѣсь по лѣсу то среди хаоса камней, то по грязи. Итти по ней было довольно плохо, а тутъ еще, на наше несчастіе, пошелъ дождь, пощадившій насъ какимъ то образомъ въ предыдущіе два дня, когда мы ѣздили къ леднику. Ущелье этой рѣчки въ нижней части покрыто лѣсомъ, состоящимъ изъ лиственныхъ породъ вродѣ бука, горнаго клена, вербы и т. д., перемѣшанныхъ съ кавказской пихтой; выше-же оно дѣлается скалистымъ и почти безлѣснымъ. Здѣсь тянутся только березовые перелѣски да заросли кавказскаго рододендрона. По сторонамъ тропинки намъ попадались часто кустики шиповника (*Rosa sp.?*) съ блѣдно-розовыми довольно крупными цвѣтами. Въ двухъ часахъ пути отъ поста мы увидѣли рѣчку, которая вытекаетъ изъ ледника довольно порядочныхъ размѣровъ и впадаетъ въ Лабенокъ съ лѣвой стороны. Съ тропы хорошо виденъ только нижній конецъ этого ледника; начинается же онъ почти тамъ, гдѣ и другой, раньше описанный. Оба они составляютъ какъ-бы одинъ переметный ледникъ и направляются въ противоположныя стороны. Этотъ ледникъ имѣетъ въ ширину отъ 100 до 150 сажень, но, вѣроятно, вдвое короче перваго и оканчивается отвѣснымъ уступомъ при началѣ крутого откоса горы, гдѣ растутъ на ней березки, рододендроны и можжевельникъ. Съ ледника выте-

каетъ много шумныхъ ручьевъ, которые собираются въ одну рѣчку. Она обозначена на пятиверстной картѣ Кавказа въ разстояніи верстѣ трехъ отъ перевала Аишхо. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣчка бѣшено мчится съ крутой горы, прыгая съ камня на камень, и имѣетъ въ ширину аршинъ восемь, мы должны были перейти ее вбродъ. Эта переправа доставила намъ немало хлопотъ и отняла порядочно времени, такъ какъ долго пришлось искать мѣста, гдѣ вода не такъ глубока и теченіе не такъ быстро. Опираясь на палку и прыгая съ камня на камень среди бушующихъ волнъ и пѣнъ, мы кое-какъ перебрались черезъ рѣчку.

Передъ этой рѣчкой, а въ особенности за нею, тропинка тянется на протяженіи около версты по гудамъ большихъ острыхъ, угловатыхъ камней, свалившихся съ сосѣдняго хребта. Во многихъ мѣстахъ она едва замѣтна, а въ нѣкоторыхъ даже не видна вовсе. Человѣку пробираться по ней очень трудно, а лошади, конечно, еще труднѣе. Эта осыпь—самая скверная часть пути на всемъ протяженіи отъ Псебая до перевала. Пройдя отъ нея версты полторы вверхъ по ущелью, мы выбрали хорошую, ровную лужайку и на самомъ берегу Лабенка разбили палатку. Мѣсто это находилось на высотѣ 6500 фут. надъ уровнемъ моря. Здѣсь мы рѣшили переночевать, чтобы на слѣдующій день съ разсвѣтомъ двинуться въ путь и рано утромъ, когда съ большей вѣроятностью можно рассчитывать на хорошую погоду, перейти перевалъ Аишхо и спуститься въ долину Мзымты. На этомъ мѣстѣ намъ готовился приятный сюрпризъ: едва успѣли мы снять съ лошадей вьюки и развязать свои вещи, какъ вдругъ видимъ, что съ той стороны ущелья, откуда мы только что пришли, къ намъ приближаются два всадника вмѣстѣ съ нашими лошадьми. Это очень обрадовало насъ, такъ какъ теперь мы были избавлены отъ необходимости путешествовать пѣшкомъ въ теченіе, быть можетъ, цѣлой недѣли. Стражники, которые привели нашихъ лошадей, сообщили намъ, что они съ трудомъ нашли ихъ на горахъ между М. Лабой и Уруштеномъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ поста. Они-же сказали, что недалеко отъ нашей стоянки видѣли медвѣдя. Я съ однимъ изъ нашихъ проводниковъ передъ вечеромъ отправился на нѣкоторое время побродить по горамъ въ надеждѣ встрѣтить если не этого, то, можетъ быть, какого-нибудь другого медвѣдя, но ни простымъ глазомъ, ни при помощи бинокля намъ не удалось нигдѣ увидѣть никакого звѣря. Причиною этого и здѣсь были имеретины, которые со своими

стадами успѣли уже перебраться сюда изъ Сухумскаго округа Кутаисской губернии черезъ переваль Аишхо. Птиць мы видѣли здѣсь также сравнительно мало. Изъ нихъ особенно обращали на себя вниманіе двѣ оляпки (*Sinclus caschmiriensis*), которыя держались все время около нашей стоянки и охотились за водяными настькомыми, бросаясь съ берега въ рѣчку. Здѣсь-же въ кучахъ камней оказалось много ящериць (*Lacerta muralis* Laur.), тождественныхъ съ тѣми, которыхъ мы встрѣчали раньше около Чернорѣчья, Умпыря и во многихъ другихъ мѣстахъ долины М. Лабы. Наконецъ, съ этой-же стоянки я обратилъ вниманіе на большія ярко-желтаго цвѣта пятна, находящіяся на многихъ скалахъ, которыя громоздятся по обѣ стороны ущелья. Особенно много ихъ было видно на правомъ склонѣ. До нѣкоторыхъ изъ нихъ было съ полверсты, другія же находились гораздо дальше и, несмотря на это, сразу бросались въ глаза. Я подумалъ, что не обнажаются-ли это жилы какой-нибудь руды, и потому попросилъ одного изъ своихъ проводниковъ добраться до ближайшей изъ этихъ скалъ и отбить отъ нея кусокъ. Онъ отправился вмѣстѣ съ моимъ сыномъ и черезъ полчаса принесъ мнѣ нѣсколько кусковъ кварцевой породы, покрытыхъ на поверхности непрерывнымъ слоемъ твердыхъ лишайниковъ ярко-желтаго цвѣта. Они-то и придавали такую своеобразную окраску скаламъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти лишайники сплошь или почти сплошь покрывали скалы на протяженіи нѣсколькихъ квадр. саженъ.

Горы въ верховьяхъ Лабенка состоятъ изъ кристаллическихъ сланцевъ и другихъ кварцевыхъ породъ вродѣ гранита, гнейса, кварцита и т. д. Здѣсь же между прочимъ я нашелъ красивую кремнистую брекчію, которая состоитъ изъ чередующихся другъ съ другомъ прослоекъ синеватаго и почти бѣлаго цвѣтовъ. Часто попадаютъ въ этомъ ущельѣ песчаники, окрашенные окислами желѣза въ бурый цвѣтъ, и, наконецъ, пласты рыхлой, легко рассыпающейся известковой породы чисто бѣлаго цвѣта. Аспиднаго сланца, такъ сильно распространеннаго въ другихъ частяхъ Кавказа, здѣсь почти нѣтъ. Склоны ущелья въ этихъ мѣстахъ очень круты и состоятъ изъ скалъ, чередующихся съ узкими карнизами, на которыхъ растетъ зеленая трава, рододендроны, а кое-гдѣ и мелкія березки.

Отлично переночевавъ въ палаткѣ, мы на слѣдующее утро отправились въ дальнѣйшій путь. Первые версты двѣ намъ пришлось ѣхать по тропинкѣ съ едва замѣтнымъ подъемомъ, дальше

же онъ сдѣлался гораздо круче. Лабенокъ течетъ здѣсь въ узкой расщелинѣ скаль глубиною въ нѣсколько сажень. Всѣ эти скалы, начиная почти отъ самаго уровня воды въ рѣкѣ, покрыты густой зеленою кавказскаго рододендрона. Это придаетъ рѣчкѣ очень красивый и оригинальный видъ; особенно красива должна быть она въ началѣ лѣта, когда течетъ среди сплошной массы крупныхъ бѣлыхъ цвѣтовъ, которыми бывають покрыты рододендроны.

Подъемъ на перевалъ Аишхо въ общемъ довольно пологъ; исключеніе составляетъ одно мѣсто, простирающееся менѣе чѣмъ на полверсты. Его мы должны были пройти пѣшкомъ. На значительномъ протяженіи тропинка тянется здѣсь по толкимъ болотистымъ мѣстамъ, покрытымъ различными кислыми травами, напр., осоками, ситниками и т. д.; на нихъ часто встрѣчается пушица (*Eriophorum*) съ бѣлыми шелковистыми султанами. Во многихъ мѣстахъ находятся здѣсь настоящія болота, по которымъ не въ состояніи итти лошадь. Ноги человѣка погружаются въ нихъ на нѣсколько вершковъ, причемъ изъ подъ зеленаго травяного покрова выступаетъ чистая, прозрачная вода. Эти болота тянутся на протяженіи цѣлыхъ верстъ. По сторонамъ ихъ на болѣе сухихъ мѣстахъ растутъ чемерица (*Veratrum album*) и красивая розовая ромашка (*Pyrethrum roseum*). Березовыя заросли не доходятъ до перевала приблизительно на версту, а на самомъ перевалѣ нѣтъ ни деревьевъ, ни кустарниковъ, за исключеніемъ лишь рододендроновъ (*Rh. Caucasicum*), которые и передъ переваломъ покрываютъ почти всѣ склоны горъ на протяженіи цѣлыхъ верстъ. Ни скаль, ни обрывистыхъ мѣстъ, ни осыпей вблизи перевала нѣтъ вовсе.

Съ тропы къ перевалу открывается красивый видъ на верховья крайняго праваго истока М. Лабы, вытекающаго изъ-подъ горы Аишхо. Здѣсь сходитса нѣсколько балокъ, получающихъ начало на склонахъ Главнаго Кавказскаго хребта; всѣ онѣ, особенно въ нижней половинѣ, болѣе или менѣе пологи, почти лишены скаль и покрыты мелкой травой. Кромѣ того, на склонахъ ихъ всюду видны красивыя извилистыя полосы снѣга, а также большіе сугробы его, лежащіе въ тѣнистыхъ котловинахъ, но нѣтъ ни одного даже самаго маленькаго ледника. Со снѣговъ, а также изъ родниковъ вытекаетъ здѣсь множество ручьевъ, которые составляютъ упомянутый уже истокъ М. Лабы. Онъ имѣетъ въ длину верстъ пять и сливается съ истокомъ, вытекающимъ изъ-подъ перевала Аишхо верстахъ въ трехъ отъ послѣдняго. Такимъ

образомъ, о ледникахъ, находящихся въ самыхъ истокахъ М. Лабы, можно сказать слѣдующее: здѣсь имѣется только три настоящихъ ледника—два на склонахъ Главнаго Кавказскаго хребта и одинъ на горахъ по правую сторону ущелья М. Лабы (недалеко отъ поста и верстахъ въ 6-7 отъ гребня Главнаго хребта). Кромѣ нихъ въ этой мѣстности есть еще два фирнъ-глетчера (оба на горахъ съ правой стороны ущелья М. Лабы). Одинъ фирнъ-глетчеръ находится еще на хребтѣ Луганъ. Глетчеровъ перваго разряда, глубоко спускающихся въ долины, здѣсь нѣтъ вовсе; далѣе, ни одинъ изъ здѣшнихъ глетчеровъ не достигаетъ длины болѣе 2 или 2½, версты и не спускается ниже 7000 ф. надъ ур. моря. По словамъ одного ветеринарнаго стражника и имеретинъ, въ верховьяхъ р. Цахвоа есть еще три небольшихъ фирнъ-глетчера, но мнѣ не удалось видѣть ихъ, такъ какъ добраться до верховьевъ этой рѣчки со стороны ущелья М. Лабы невозможно.

Переваль Аишко представляетъ широкую сѣдловину съ пологими, невысокими боками; на самой срединѣ его находится небольшое озерцо, съ котораго мы вспугнули куличковъ-чернышей (*Totanus ochropus*). Высота этого перевала, по приблизительному опредѣленію посредствомъ anerоида и по температурѣ кипѣнія воды, равняется 7700 фут.; онъ, слѣдовательно, выше сосѣдняго съ нимъ перевала Псеашхо слишкомъ на 800 фут. Съ правой стороны его поднимается пологая, лишенная скалъ и сплошь поросшая зеленой травой низкая гора, а слѣва другая, болѣе высокая, наверху скалистая, но покрытая снѣгомъ только въ наиболѣе тѣнистыхъ мѣстахъ. Къ концу лѣта, какъ говорили мнѣ, этотъ снѣгъ стаиваетъ совершенно. Изъ горъ и балокъ, окружающихъ переваль, вытекаетъ упомянутый уже истокъ М. Лабы, но онъ своей величиной уступаетъ всѣмъ прочимъ ея истокамъ. Въ трехъ верстахъ къ ЮВ. отъ перевала находится гора Аишко, превосходящая своей высотой горы, которыя окружаютъ переваль. На ней довольно много скалъ, не отличающихся, впрочемъ, своими размѣрами, и осыпей, а рядомъ съ ними лежатъ небольшія снѣжныя поля. Кавказскій хребетъ на мѣстѣ перевала Аишко сильно притупленъ,—поэтому тропинка, проходя черезъ самую высшюю точку его, на протяженіи не менѣе полуторы версты тянется почти по ровной мѣстности, покрытой мокрыми лугами и болотами. Кое-гдѣ по сторонамъ ея лежали небольшія круговины снѣга, но на тропѣ его не было вовсе.

На самой высшей точкѣ хребта мы сдѣлали приваль и съ

удовольствиемъ провели здѣсь съ часъ, если не больше. Я въ это время занялся своимъ анерондомъ, вскипятилъ воду въ сосудѣ гипсометрическаго термометра, собралъ нѣсколько мелкихъ растений и послѣ этого долго еще любовался чудными видами высочайшихъ горъ и глубокихъ ущелій. Погода намъ вполне благопріятствовала: солнце ярко свѣтило, было тихо и очень тепло (+ 12° С.). На снѣгу, у самыхъ верхнихъ точекъ перевала, мы застали цѣлое стадо альпійскихъ воронъ (*Fregilus graculus*). Онѣ съ присущей имъ веселостью прыгали и летали, гоняясь другъ за другомъ и оглашая воздухъ своими громкими мелодичными криками.

Часовъ въ девять мы двинулись съ перевала внизъ къ долине Пслуха, довольно большой горной рѣчки, получающей начало верстахъ въ 10 отсюда изъ-подъ перевала Псеашко и впадающей въ Мзымту съ правой стороны. Съ тропы, гдѣ только что начинается крутой спускъ, открывается неподобный видъ съ высоты птичьяго полета на необыкновенно глубокия, покрытыя сплошь цѣлымъ моремъ дѣвственныхъ хвойныхъ и лиственныхъ лѣсовъ долины Мзымты и Пслуха, на горы, раздѣляющія ихъ, и особенно замѣчательный видъ на покрытый вѣчными снѣгами и льдами высокой хребетъ, который тянется по другую сторону долины Мзымты параллельно Главному хребту, верстахъ въ 10 отъ него. Залитая сплошной зеленью лѣсовъ долина Мзымты извивается здѣсь между двумя высокими хребтами, покрытыми вѣчными снѣгами и глетчерами, которые при яркомъ освѣщеніи альпійскаго солнца горятъ, какъ въ огнѣ, и блестятъ, какъ серебро, выдѣляясь съ поразительной ясностью на темно-зеленомъ фонѣ лѣса и темной синевѣ южнаго неба. Описать чудную красоту этого дивнаго вида рѣшительно невозможно. Очень красивымъ представляется съ перевала и хребетъ, возвышающійся между долинами Мзымты и Пслуха. Западный конецъ его низокъ и покрытъ сплошнымъ лѣсомъ, восточный-же гораздо выше. Онъ представляетъ чудные изумрудно-зеленые альпійскіе луга, по которымъ растутъ одинокия или собранныя въ небольшія группы высокія изящныя пихты. Я очень жалѣлъ, что долженъ былъ, отправляясь съ поста всего лишь съ двумя лошадьми, оставить тамъ свой фотографическій аппаратъ, и теперь не могъ сдѣлать ни одного снимка съ этихъ чудныхъ мѣстъ.

Спускъ съ перевала Аишко страшно крутъ, хотя вовсе лишенъ скаль и на значительномъ протяженіи идетъ по склонамъ,

покрытымъ высокою сочною травой. Тропинка дѣлаетъ здѣсь много зигзаговъ, крутыхъ поворотовъ и часто тянется вдоль очень крутыхъ восогоровъ. Ѣхать по ней на лошади, пожалуй, возможно, но очень плохо,—поэтому мы прошли ее пѣшкомъ. Съ нея мы увидѣли далеко внизу, на днѣ долины Мзымты, будущій городъ Романовскъ, извѣстный гораздо больше подъ именемъ Красной Поляны. Онъ отстоитъ отъ перевала Аишко по прямой линіи на 20 верстъ и представляется съ него маленькимъ свѣтлымъ пятнышкомъ, окруженнымъ пѣлымъ моремъ лѣсовъ. При помощи бинокля въ немъ можно различить нѣсколько довольно большихъ бѣлыхъ зданій.

Въ сторонѣ отъ тропы, недалеко отъ перевала, видѣются во многихъ мѣстахъ заросли *Rhododendron Caucasicum*, но здѣсь ихъ замѣтно меньше, чѣмъ на сѣверномъ склонѣ; верстахъ-же въ двухъ отъ перевала на склонахъ Главнаго хребта уже начинаются настоящіе лѣса. У верхней границы ихъ преобладаетъ береза, красивый горный кленъ, букъ и высокія стройныя пихты. Последнія достигаютъ здѣсь очень крупнаго роста, а букъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуетъ густыя заросли изъ низкихъ (аршина въ 3 или 4) деревцевъ, такъ густо переплетающихся другъ съ другомъ своими вѣтвями, что человѣку между ними пробраться почти невозможно. Довольно часто попадаетъ верба, а изъ кустарниковъ — кавказская черника, *Viburnum Lantana*, орѣшникъ и очень много высокихъ рододендроновъ съ толстыми кожистыми блестящими листьями. Эти рододендроны представляютъ уже другой видъ, именно *Rhododendron Ponticum*, свойственный наиболѣе влажной западной части Закавказья. Цвѣтовъ на немъ мы уже не застали. Изъ травянистыхъ растений здѣсь больше всего обращаютъ на себя вниманіе огромные колокольчики (*Campanula*) и высокій съ бѣлыми цвѣтами аконитумъ. Папоротникъ-орлякъ попадаетъ въ этихъ мѣстахъ въ ограниченномъ количествѣ и не образуетъ сплошныхъ зарослей.

Верстахъ въ трехъ отъ перевала тропа, ведущая въ долину Мзымты, раздѣляется на двѣ. Одна изъ нихъ, именно лѣвая, огибаетъ верховья маленькой рѣчки, впадающей въ Пслухъ, и направляется самымъ кратчайшимъ путемъ къ верховьямъ Мзымты; другая же, правая, спускается въ самый низъ долины Пслуха, тянется по ней почти до того мѣста, гдѣ Пслухъ впадаетъ въ Мзымту, проходя мимо единственной въ этой мѣстности лѣсной караулки и одного изъ углекислыхъ источниковъ, затѣмъ пере-

ходитъ черезъ хребетъ, раздѣляющій долины Пслуха и Мзымты и, наконецъ, повернувъ на юго-востокъ, направляется къ верховьямъ Мзымты. Послѣдній путь гораздо длиннѣе, но я отдалъ ему предпочтеніе, желая осмотрѣть на большемъ пространствѣ долину и побывать у минеральнаго источника. Кромѣ того, по этому пути намъ легче было добраться до истоковъ Мзымты, такъ какъ о немъ мы собрали подробныя свѣдѣнія на ветеринарномъ посту отъ одного изъ стражниковъ. Что касается нашихъ проводниковъ, то они знали мѣста только до перевала; долина-же Мзымты представляла для нихъ *terra incognita*.

Тропинка, которая тянулась по лѣсу, была очень плоха. Она во многихъ мѣстахъ такъ сильно заросла высокими, какъ лѣсъ, бурьяномъ *), что мы съ трудомъ могли придерживаться ея; кромѣ того, она очень грязна и вьется по крутымъ мѣстамъ. Мы должны были итти по ней пѣшкомъ и вести за собой лошадей, при чемъ нѣсколько разъ сбивались съ нея и съ трудомъ отыскивали ее вновь. На днѣ долины Пслуха она сдѣлалась гораздо шире и во всѣхъ отношеніяхъ лучше. Въ этихъ мѣстахъ уже почти не было чащи и высокаго бурьяна, а стоялъ очень крупный высокоствольный лѣсъ, въ которомъ кромѣ кавказской пихты, ели и бука встрѣчаются громадныя, обхвата въ три и болѣе толщиною, ясень, яворъ, остролистый кленъ, вязъ, липа, дубъ и многія другія деревья. Версты за двѣ до лѣсной караудки, которая находится на высотѣ около 3000 фут. надъ ур. моря и верстахъ въ пяти отъ впаденія Пслуха въ Мзымту, въ этомъ лѣсу начали попадаться довольно большія поляны; на нихъ была уже скошена трава. Въ часъ или два пополудни мы добрались до караудки, которая построена на небольшой полянкѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ и расположенной на высотѣ слишкомъ 3000 фут. надъ ур. моря. Здѣсь намъ надо было отдохнуть послѣ непрерывнаго восьмичасоваго пути: кромѣ того, я надѣялся отъ живущихъ на караулкѣ полѣсовщиковъ добыть кое-какія свѣдѣнія о звѣряхъ, водящихся въ долинѣ Мзымты.

На караулкѣ мы застали только дѣтей, которыя, увидя насъ, мгновенно попрятались въ хату и заперли за собою двери. Живя среди лѣса, въ глуши, они почти никогда не видятъ людей и

*) По словамъ извѣстнаго изслѣдователя Абхазіи покойнаго Н. Альбова, нигдѣ въ Абхазіи нѣтъ такого огромнаго бурьяна, какъ въ долинѣ Мзымты. Отчетъ о ботаническихъ изслѣдованіяхъ Абхазіи, Зап. Кавк. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. XV.

боятся ихъ. Часа черезъ полтора послѣ нашего прїѣзда явились полѣсовщики-эстонцы, бывшіе передъ этимъ на покосѣ. У нихъ мы добыли за очень умѣренную цѣну масла, молова, сметаны, яицъ и пополнили свой запасъ хлѣба.

Въ то время, когда мы прїѣхали на караулку, стояла очень хорошая погода. Предполагая ночевать на полянѣ, вблизи караулки, мы выбрали уже подходящее мѣсто около одного раскидистаго дерева и разбили на немъ палатку; но часовъ съ четырехъ быстро начали собираться густыя тучи, а вскорѣ загремѣлъ громъ и засверкали молніи. Такая внезапная перемѣна погоды заставила насъ измѣнить свое рѣшеніе относительно ночлега, и мы сочли лучшимъ послушать совѣта полѣсовщиковъ и перебраться въ караулку. Въ наше полное распоряженіе была предоставлена большая довольно чистая комната, самоваръ и всякая посуда. Еще не успѣли мы перенести изъ палатки всѣ наши вещи, какъ полилъ сильнѣйшій дождь. Онъ раза два переставалъ, но вскорѣ снова принимался лить съ прежней силой. Дворъ караулки и болѣе ровныя мѣста окружающей ее поляны сплошь покрылись водой, а мы, очень довольные тѣмъ, что во-время успѣли перебраться въ караулку, подъ шумъ дождя покойно закусывали, пили чай и мирно бесѣдовали.

Одинъ полѣсовщикъ, служащій здѣсь уже лѣтъ пять, да прожившій, кромѣ того, еще нѣсколько лѣтъ на Красной Полянѣ, оказался охотникомъ: отъ него я собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія о звѣряхъ этой мѣстности. Его сообщенія подтвердились потомъ разказами другихъ лицъ, напр., пастуховъ-имеретинъ, охотниковъ Красной Поляны, а также моими личными, хотя кратковременными, наблюденіями. Полѣсовщикъ сообщилъ мнѣ, что зубры въ долинѣ Мзымты не водятся. Я зналъ объ этомъ раньше и писалъ; разспрашивая-же его теперь, хотѣлъ только лишній разъ услышать подтверженіе своего мнѣнія. Тотъ-же полѣсовщикъ сообщилъ мнѣ, что за все время его скитаній по лѣсамъ долины Мзымты онъ лишь два раза видѣлъ слѣды зубровъ и притомъ оба раза въ верховьяхъ Пузико. Онъ увѣренъ, что зубры, оставившіе эти слѣды, случайно заходили сюда изъ Кубанской области черезъ очень низкій перевалъ Псеашхо (6870 ф.) или черезъ верховья Бѣлой, на З. отъ Шугуса, гдѣ горы еще ниже. По слѣдамъ можно было замѣтить, что зубры держались здѣсь недолго и, навѣрно, снова уходили на мѣста, постоянно ими обитаемая, т. е. въ долину Уруштена, на Кишу и т. д. На Бзы-

би и вблизи моря, вопреки увѣренію нѣкоторыхъ, зубровъ также нѣтъ. Олени въ долині Мзымты попадаются, но рѣдко,—можно даже сказать, несравненно рѣже, чѣмъ въ сосѣднихъ частяхъ Кубанской области. Они держатся довольно высоко на склонахъ горъ, почти никогда не спускаясь въ нижнюю часть долины. Главная причина почти полного отсутствія ихъ въ этой покрытой богатой растительностью и почти безлюдной долині заключается, по моему мнѣнію, въ необыкновенно глубокихъ снѣгахъ, которые выпадаютъ здѣсь зимою. По словамъ полѣсовщика, года три тому назадъ здѣсь выпалъ однажды въ теченіе сутокъ снѣгъ въ пять аршинъ глубиною, а въ это-же время на Красной Полянѣ—въ три аршина. Оленю, животному болѣе или менѣе грузному, двигаться по такому глубокому снѣгу, въ особенности когда онъ немного затвердѣетъ, очень трудно. Дикія козы или косули встрѣчаются здѣсь гораздо чаще. Одна пара рожковъ, которую мнѣ пришлось видѣть на Красной Полянѣ, указываетъ на принадлежность этой косули къ виду *Capreolus caprea* Gray; но, можетъ быть, въ лѣсахъ долины Мзымты встрѣчается и *Capr. pygagrus* Pall. Слѣды козъ я видѣлъ и на дорогѣ по долині Мзымты. Серны водятся здѣсь на всѣхъ высокыхъ мѣстахъ какъ по Главному Кавказскому хребту, такъ и по горамъ, которыя тянутся по лѣвую сторону долины Мзымты и окаймляютъ ее съ южной стороны. На горахъ между Пузико и Пслухомъ я, какъ будетъ сказано ниже, самъ видѣлъ нѣсколько стай сернъ и охотился за ними. Туры, по словамъ полѣсовщиковъ, встрѣчаются на южномъ склонѣ Главнаго хребта; на южномъ склонѣ Шугуса ихъ даже много, но на горахъ по другую сторону Мзымты они, будто-бы, не живутъ вовсе; имеретинны-же пастухи, съ которыми я бесѣдовалъ по этому поводу въ верховьяхъ Мзымты, говорили, что и на этихъ горахъ туры водятся, но не вездѣ, и что въ самыхъ верховьяхъ Мзымты ихъ очень много. Безъ сомнѣнія, во всѣхъ этихъ мѣстахъ водится тотъ самый видъ, который живетъ въ сосѣднихъ частяхъ Кубанской области, т. е. *Capra Sewertzowii* Menz. Видѣвши очень высокія, покрытыя вѣчными снѣгами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже ледниками горы, которыя ограничиваютъ долину Мзымты съ лѣвой стороны, я не думаю, чтобы на нихъ не водились туры. Дикія свиньи въ долині Мзымты попадаютъ въ большомъ количествѣ. Ихъ привлекаетъ сюда обиліе фруктовъ—грушъ, яблокъ, черешень, лычи, шипекъ (*Mespilus Germanica*), а въ особенности волошскихъ орѣховъ и

каштановъ. Медвѣдей здѣсь также много, но было гораздо больше въ то время, когда еще не существовало на Красной Полянѣ эстонскаго поселка съ его многочисленными охотниками-промышленниками. Нѣкоторые изъ нихъ прежде убивали по нѣскольку десятковъ медвѣдей въ годъ. Шакалы въ эти мѣста не заходятъ, хотя въ низовьяхъ Мзымты, какъ и вездѣ по кавказскому берегу Чернаго моря, водятся въ большомъ количествѣ. Часто попадаются по берегамъ Мзымты выдры или порѣшны. Въ виду того, что мнѣ самому приходилось раза два слышать рассказы о существованіи рѣчного бобра (*Castor fiber* L.) въ нѣкоторыхъ наиболѣе глухихъ и лѣсистыхъ долинахъ Кавказа, я разспрашивалъ о бобрахъ здѣшнихъ полѣсовщиковъ, рассказавъ имъ предварительно объ особенностяхъ этого животнаго, его замѣчательномъ образѣ жизни и о томъ, какимъ образомъ можно скорѣе всего открыть присутствіе бобровъ въ данной мѣстности. Оба полѣсовщика на мои вопросы отвѣчали, что ни бобровъ, ни какихъ либо признаковъ, указывающихъ на существованіе ихъ въ долинѣ Мзымты, они никогда не находили.

Птичье населеніе долины Мзымты не отличается разнообразіемъ, но птицы нѣкоторыхъ видовъ встрѣчаются здѣсь въ очень большомъ количествѣ. Въ лѣсахъ недалеко отъ караулки мы видѣли много витютней (*Palumbus torquatus* Aldr.), горлицъ, черно-головыхъ соекъ (*Garrulus Krinickii* Bogd.), черныхъ дроздовъ (*Merula vulgaris* Ray), пѣвчихъ дроздовъ (*Turdus musicus* L.), иволгъ, крапивниковъ, синицъ, мухоловокъ (*Butalis grisola* L.), зябликовъ и другихъ мелкихъ птичекъ, а у верхней границы лѣсовъ и на горныхъ лугахъ вороновъ (*Corvus corax* L.), дроздовъ-дерябъ (*Turdus viscivorus* L.), бѣлозобыхъ дроздовъ (*Merula torquata* L.), чекановъ (*Saxicola oenanthe* L.) и *Pratincola rubetra* L.), горныхъ овсянокъ (*Emberiza cia* L.) и т. д. Дрозды-дерябы чаще всего держатся, какъ и въ другихъ мѣстахъ, по рѣдкому сосняку или ельникамъ, растущимъ у верхней границы горныхъ лѣсовъ, а бѣлозобые дрозды— въ бурьянахъ, въ особенности если они растутъ по каменистымъ мѣстамъ или вблизи рѣчекъ. Очень любятъ они мѣста, заросшія конскимъ щавелемъ (*Rumex crispus*), такъ какъ широкіе листья этого растенія отлично скрываютъ дроздовъ отъ глазъ враговъ, а, кромѣ того, отсутствіе постороннихъ травъ подъ густой тѣнью щавеля даетъ возможность дроздамъ безпрепятственно бѣгать по землѣ во всѣхъ направленіяхъ и отыскивать кормъ. Въ другомъ бурьянѣ это дѣлать не такъ

удобно. Красивыхъ каменныхъ дроздовъ здѣсь не видѣлъ ни разу. Горные тетерева и горныя индѣйки живутъ на горахъ, окружающихъ долину Мзымты,—первыя на высотахъ, начиная отъ 5 или 5½, тысячъ фут., а вторыя рѣдко спускаются ниже 7000 ф.

Чтобы проѣхать отъ караулки къ истокамъ Мзымты, намъ надо было спуститься по долинѣ Пслуха еще версты 4, перебраться черезъ западную оконечность хребта, раздѣляющаго долины Пслуха и Мзымты, и затѣмъ уже продолжать путь вверхъ по долинѣ послѣдней. Намъ пришлось почти цѣлый день, т. е. съ ранняго утра и до самаго вечера ѣхать по сплошному лѣсу; только кое-гдѣ, какъ оазисы въ пустынѣ, попадались въ немъ маленькія прогалинки, да нѣсколько довольно большихъ полянъ мы встрѣтили уже вблизи истоковъ Мзымты. Безконечный лѣсъ съ его всюду грязными тропинками намъ порядочно наскучилъ, а длинный переѣздъ сильно утомилъ насъ физически; зато, впрочемъ, мы имѣли возможность ознакомиться болѣе или менѣе обстоятельно съ лѣсами долины Мзымты и видѣть ее на значительномъ пространствѣ.

Около караулки и ниже ея по долинѣ Пслуха древесная и кустарная растительность очень богата и разнообразна. Во многихъ мѣстахъ она состоитъ здѣсь почти изъ однихъ фруктовыхъ деревьевъ и кустарниковъ: волошскихъ орѣховъ, каштановъ, пишекъ (*Mespilus Germanica*), яблонь, грушъ, лычи, мелкой, но очень сладкой черешни, орѣшника, кизила и т. д. Въ другихъ частяхъ долины преобладаютъ обыкновенныя лѣсныя породы: дубъ, ясень, кленъ, яворъ и особенно букъ. Здѣсь встрѣчается также много лианъ, которыя переплетаютъ деревья и взбираются на вершины ихъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ такъ называемый обвойникъ (*Periploca Graeca*); онъ въ видѣ длинныхъ свѣтлосѣрыхъ веревокъ и канатовъ перебрасывается съ одного дерева на другое и оплетаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Еще гуще заплетаются деревья и въ особенности кустарники ломоносомъ (*Clematis*), но онъ не растетъ внутри густого лѣса, а по опушкамъ его и полянамъ. Хмѣль также здѣсь встрѣчается часто. Гораздо богаче лианами мѣста, лежація ниже по долинѣ Мзымты.

Изъ травянистыхъ растений здѣсь бросаются въ глаза огромныя *Inula*, упомянутые уже колокольчики съ очень крупными синими цвѣтами, и особенно папоротникъ-орлякъ. Онъ въ этихъ мѣстахъ вполне уже вступилъ въ права гражданства и завладѣлъ всѣми полянами и вообще открытыми мѣстами. Его огромныя

вѣтвистыя и красивыя вайи достигаютъ такой высоты, что почти скрываютъ ѣдущаго на лошади человѣка.

Тропа отъ карауленъ внизъ по Пслуху мѣстами тоже очень плоха, такъ какъ на значительномъ протяженіи тянется по заваленному камнями и варчами руслу рѣчки. Верстахъ въ трехъ отъ караулки, на лѣвой сторонѣ тропы, находится упомянутый уже мною минеральный источникъ. Онъ обозначенъ на пятиверстной картѣ Кавказа. Этотъ источникъ представляетъ собою колодець глубиною въ два аршина съ мутной, довольно холодной, грязноватой водой. Послѣдняя имѣетъ слегка кислый вкусъ и содержитъ въ себѣ желѣзо и свободный углекислый газъ, который постоянно выдѣляется изъ воды въ видѣ мелкихъ пузырьковъ. Количество этихъ веществъ въ водѣ, однако, очень невелико,—поэтому едва-ли можно думать, что источникъ будетъ когда-либо имѣть особенное значеніе. Можетъ быть, впрочемъ, надлежащая расчистка улучшить его качества. Отъ караулки до источника мы ѣхали ровно часъ.

Въ верстѣ отъ источника начинается подъемъ на гору. Полѣсовщикъ говорилъ намъ, что этотъ подъемъ тянется на протяженіи около полуторы версты. Хотя мѣстами онъ былъ очень крутъ и вслѣдствіе почти ежедневныхъ дождей порядочно грязенъ, тѣмъ не менѣе я предполагалъ пройти его приблизительно въ полчаса и потому часто посматривалъ на часы, утѣшая себя тѣмъ, что черезъ нѣсколько минутъ буду, наконецъ, на вершинѣ горы. Въ дѣйствительности-же случилось совсѣмъ не то: вмѣсто предполагаемой полуторы версты длина подъема оказалась равной верстамъ пяти, и намъ съ трудомъ удалось одолѣть его за два часа. Онъ порядочно утомилъ насъ и сильно наскучилъ. Можетъ быть, этотъ подъемъ и не показался бы намъ такимъ длиннымъ, если бы мы не были предварительно введены въ заблужденіе относительно его протяженія. Я весь его прошелъ пѣшкомъ, но, когда выбрался наверхъ, мое бѣлье и даже пиджакъ были совершенно мокрыми, а по лицу текли цѣлые ручьи пота.

На всемъ протяженіи этого подъема тянется крупный высокоствольный лѣсъ; внизу онъ состоитъ изъ лиственныхъ породъ, среди которыхъ букъ занимаетъ первое мѣсто, а по мѣрѣ приближенія къ гребню хребта все чаще и чаще начинаютъ попадаться пихты. Здѣсь-же растетъ много каштановъ. При подъемѣ на гору я въ нѣсколькихъ мѣстахъ видѣлъ слѣды медвѣдей и кабановъ. Довольно сильно набитая тропа, по которой ежегод-

но гоняютъ къ верховью Мзымты и обратно немало скота, спускается съ гребня горы въ долину Мзымты не сразу, а очень постепенно. Она на протяженіи верстѣ 12 тянется по косогорамъ на болѣе или менѣе значительной высотѣ надъ дномъ долины и пересѣкаетъ безчисленное множество крутыхъ балокъ и балочекъ. Здѣсь также немалое пространство пришлось намъ пройти пѣшкомъ, такъ какъ ѣхать по грязной скользкой тропинкѣ, извивающейся надъ обрывами и кручами и пересѣкающейся несмѣтнымъ количествомъ очень крутыхъ спусковъ и подъемовъ, было не безопасно, да притомъ и крайне непріятно. Все время эта тропинка тянулась по густому лѣсу, и только рѣдко-рѣдко можно было заглянуть съ нея сквозь небольшую прогалину вдаль и увидѣть противоположную сторону долины съ возвышающимися надъ нею красивыми горами, которыя мы видѣли еще съ перевала. Эта тропинка наскучила намъ еще больше, чѣмъ длинный подъемъ со дна долины Пслуха. По ней мы ѣхали часа четыре. Наконецъ, она пошла сильно внизъ и вывела насъ на самое дно долины Мзымты. Здѣсь стали попадаться довольно длинныя поляны, которыя располагаются между правымъ берегомъ рѣки и горами, ограничивающими долину ея съ правой-же стороны. Наибольшая изъ полянъ этой мѣстности извѣстна подъ именемъ Энгельманской. Она находится верстахъ въ 15 отъ истоковъ Мзымты. Вдоль самого берега рѣчки и здѣсь тянется узкой полосой лѣсъ, окаймляющій рѣчку съ обѣихъ сторонъ. Энгельманская поляна и сосѣднія съ нею были уже болѣе или менѣе выбиты скотомъ, который пасется въ этихъ мѣстахъ или только проходитъ черезъ нихъ, когда его гонятъ на горныя пастбища къ верховьямъ Мзымты. На нѣкоторыхъ изъ этихъ полянъ сдѣланы изъ плетня базы для загона скота. За семи-восьми-часовое путешествіе по лѣсу я видѣлъ въ двухъ мѣстахъ слѣды дикихъ козъ и мѣстахъ въ 4-5 слѣды кабановъ и медвѣдей; оленьихъ же слѣдовъ въ долинѣ Мзымты мы не встрѣчали вовсе. Птицъ намъ попадалось вообще мало, но чаще другихъ сойки, черныя дрозды и дятлы (*Picus Pelzami Bogd.*).

На Энгельманской полянѣ въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ берега Мзымты мы сдѣлали приваль, чтобы отдохнуть, закусить и покормить своихъ лошадей. На днѣ долины здѣсь растутъ только лиственные лѣса, особенно много орѣшника (*Corylus Avellana*) и ольхи, на склонахъ же горъ, окаймляющихъ долину Мзымты, очень много хвойныхъ насажденій; особенно лѣсиста

лѣвая сторона ея, обращенная къ сѣверу. По ней на огромномъ пространствѣ тянутся густые пихтовые лѣса, вверху окаймленные, какъ вездѣ въ горахъ, широкимъ свѣтло-зеленымъ березовымъ зарослей. Что касается самой рѣчки, то она имѣетъ здѣсь шагавъ 20-25 въ ширину и течетъ очень быстро по заваленному камнями руслу. Течение ея, однако, гораздо медленнѣе, чѣмъ Лабенка выше Умпыря. Вода въ ней очень чиста и имѣетъ голубоватый цвѣтъ. Недалеко отъ Энгельманской поляны находится другой минеральный источникъ. Онъ также обозначенъ на пятиверстной картѣ и принадлежитъ къ углекислымъ, но содержитъ, какъ мнѣ сообщали, гораздо больше углекислаго газа, чѣмъ тотъ, который находится вблизи караулки. Къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть его, такъ какъ мы сами и наши проводники были здѣсь въ первый разъ и, руководствуясь одной лишь картой, не могли отыскать въ лѣсу этотъ источникъ.

Въ незначительномъ разстояніи отъ Энгельманской поляны наша тропинка снова вошла въ лѣсъ и снова начались кручи, балки и грязь. Намъ пришлось то ѣхать, то плестись пѣшкомъ по лѣсной тропѣ еще часа три, если не больше, съ нетерпѣніемъ ожидая, когда-же наступитъ конецъ этому утомительному странствованію. Верстахъ въ 10 отъ Энгельманской поляны лѣсъ началъ замѣтно рѣдѣть и среди него начали чаще и чаще встрѣчаться полянки. Кромѣ того, и характеръ его въ этихъ мѣстахъ значительно измѣнился: многія листовныя породы уже перестали попадаться на глаза, пихты спустились до самаго дна ущелья и все чаще и чаще началъ встрѣчаться горный кленъ. Все это показывало, что лѣсъ уже кончается и что скоро должны начаться альпійскіе луга, такъ давно ожидаемые нами. Дѣйствительно, немного времени спустя, мы выѣхали на болѣе или менѣе открытыя мѣста и, продолжая подвигаться впередъ, могли уже осматривать сосѣднія высокія горы и любоваться ими. Гризи, отравлявшей намъ въ этотъ день все удовольствіе путешествія, здѣсь почти не было. Наконецъ, сплошной лѣсъ остался позади насъ, начались красивые горные луга, среди которыхъ росли только высокія одиночныя пихты и небольшія рощицы горнаго клена, состоящія изъ очень красивыхъ деревьевъ съ пышной округленной кроной. Нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ болѣе обхвата въ толщину, имѣютъ довольно значительную высоту и такъ сильно унизаны крылатками яркаго розово-краснаго цвѣта, что издали кажутся не зелеными, а совсѣмъ красными. Еще выше, передъ

началомъ настоящихъ горныхъ луговъ, лѣсъ въ верховьяхъ Мзымты состоитъ почти исключительно изъ горнаго клена, а рядомъ съ нимъ встрѣчаются довольно большія пространства, покрытыя мелкимъ березнякомъ. На многихъ полянахъ въ этихъ мѣстахъ бродилъ имеретинскій скотъ и видны были балаганы пастуховъ. Къ одному изъ нихъ мы подъѣхали часовъ въ шесть вечера для того, чтобы спросить, далеко-ли отсюда до истоковъ Мзымты и до озера Кардывича *), о красотѣ котораго я не разъ слышалъ и которое очень хотѣли посмотреть всѣ мои спутники. Намъ отвѣтили, что до озера осталось еще версты двѣ и что оно лежитъ за березовымъ лѣскомъ, виднѣвшимся впереди насъ.

Мы уже видѣли отчетливо тѣ скалистыя горы, которыя замыкаютъ высокой стѣной долину Мзымты и дальше которыхъ она не могла уже продолжаться. До этихъ горъ было, повидимому, очень близко, но я зналъ, какъ обманчиво бываетъ въ горахъ разстояніе, и потому не особенно довѣрялъ своимъ глазамъ.

Проѣхавъ отъ балагана версты двѣ, а, можетъ быть, и нѣсколько больше, и не видя никакихъ признаковъ близости озера, мы рѣшили спросить снова о разстояніи до него у имеретинъ, коша которыхъ находился недалеко отъ дороги. Одинъ солидный мужчина отвѣтилъ намъ, что до озера остается еще версты три или четыре, и прибавилъ при этомъ такъ же, какъ и спрошенный раньше, что озеро находится за тѣмъ лѣскомъ, который былъ виденъ вдали. Этотъ отвѣтъ, въ особенности въ первый моментъ, немало смутилъ насъ. Въ самомъ дѣлѣ, за послѣдніе полчаса мы какъ будто-бы не только не приблизились къ озеру, а даже удалились отъ него версты на двѣ. Но такой курьезъ объяснялся очень просто тѣмъ, что первый имеретинъ или обманулъ насъ, или имѣлъ очень невѣрное представленіе о верстахъ, что и очень вѣроятно.

Проѣхавъ отъ послѣдняго коша еще версты двѣ, мы продолжали видѣть впереди себя березовые лѣски, а озера все не было. Такъ какъ всѣ мы были порядочно утомлены ѣздой и ходьбой въ теченіе цѣлаго дня по сквернымъ грязнымъ тропинкамъ, да и лошади наши порядочно устали, то я рѣшилъ было остановиться на одной полянѣ и отложить дальнѣйшее путешествіе до слѣдующаго утра; но эта поляна оказалась такой неровной, что на ней нельзя было ни разбить палатки, ни расположиться сколь-

*) Озеро это называется также другимъ именемъ—Мзымт-адзымчъ (Н. Альбовъ. Отчетъ о ботаническихъ изслѣдованіяхъ Абхазіи въ 1890 г.).

ко нибудь сносно; кромѣ того, она была удалена отъ воды. Такимъ образомъ, надо было продолжать путь. Проѣхавъ еще сажень 150, мы нашли болѣе удобное мѣсто въ нѣсколькихъ сажняхъ отъ берега Мзымты и недалеко отъ одного имеретинскаго коша. Отсюда, какъ сообщили намъ имеретины, хозяева баранты, ходившей неподалеку, надо было проѣхать не болѣе трехъ-четырехъ верстѣ по березовому лѣсу, да нѣсколько десятковъ сажень по открытой мѣстности, чтобы попасть на самый берегъ озера Кардывича. На этотъ разъ намъ сказали, наконецъ, правду, въ чемъ мы сами вскорѣ убѣдились. Дѣйствительно, проѣхавъ черезъ лѣсокъ по сильно заросшей и мѣстами довольно грязной тропинкѣ, мы увидѣли, наконецъ, чудное альпійское озеро, которое вмѣстѣ съ окружающей его мѣстностью поразило насъ своей необыкновенной красотой. Оно лежитъ у самаго подножія Главнаго хребта въ котловинѣ, окруженной почти со всѣхъ сторонъ высокими горами, имѣетъ около версты въ длину и съ полверсты въ ширину. Вода въ немъ необыкновенно чиста, въ высшей степени прозрачна и издали кажется не только темной, но почти черной. Озеро имѣетъ болѣе или менѣе крутые берега, за которыми разстилаются великолѣпные, свѣжіе, изумрудно-зеленые альпійскіе луга съ разбросанными по нимъ столѣтними пихтами. За этими лугами внизъ по долинѣ Мзымты тянется уже настоящій лѣсъ. Будучи защищено со всѣхъ сторонъ горами, это озеро почти никогда не волнуется вѣтромъ и имѣетъ гладкую, какъ зеркало, поверхность воды, въ которой отражаются всѣ сосѣдніе предметы: деревья, луга, скалы и горы. Если стать на берегу озера, то сквозь прозрачныя воды его можно видѣть даже самыя мелкіе предметы, находящіеся на днѣ. По мѣрѣ удаленія отъ береговъ глубина озера быстро увеличивается, доходя даже вблизи берега, вѣроятно, до нѣсколькихъ сажень; еще дальше озеро представляется бездонной пучиной, наполненной черно-зеленой жидкостью *). Если бросить въ озеро недалеко отъ берега камень, то можно наблюдать въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, какъ онъ погружается все глубже и глубже, постепенно теряясь изъ вида, но долго еще не доходить до дна. За горными лугами,

---

*) Глубину озера, какъ сообщили мнѣ имеретины, взмѣрялъ посредствомъ лота одинъ изъ инженеровъ, дѣлавшихъ изысканія для проведенія шоссе черезъ переваль Аншхо. По его взмѣреніямъ, наибольшая глубина озера оказалась равной 9 сажнямъ, но мнѣ кажется, что она должна быть еще больше.

окружающими озеро, громоздятся стѣны изъ черныхъ зубчатыхъ скалъ, на которыхъ кое-гдѣ видна зелень, и, кромѣ того, спускаются длинныя извилистыя полосы снѣга; здѣсь-же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежатъ и порядочныя снѣжныя поля; съ нихъ устремляется внизъ множество быстрыхъ и блестящихъ, какъ серебро, горныхъ ручьевъ. Всѣ они несутъ чистую, прозрачную, какъ роса, воду и очень рѣзко выдѣляются на темномъ фонѣ скалъ; соединившись въ нѣсколько значительныхъ потоковъ, они направляются къ озеру. Съ западной же стороны этого послѣдняго медленно вытекаетъ довольно порядочная рѣчка, которая безшумно катитъ свои воды по ровному дну, усыпанному мелкими гальками. Это и есть главнѣйшій истокъ Мзымты, питаемый снѣгами Главнаго Кавказскаго хребта. Расположено озеро на высотѣ болѣе 5600 фут. надъ ур. моря.

Возвратившись съ озера къ своей стоянкѣ, мы отправились къ сосѣднему имеретинскому кошу, чтобы купить тамъ сыру и молока. Насъ привѣтливо встрѣтилъ высокій стройный молодой человѣкъ съ очень пріятнымъ выразительнымъ лицомъ. Каждому изъ насъ онъ подаль по огромной деревянной чашкѣ очень вкуснаго кислаго молока, которое мы тотчасъ-же выпили съ большимъ удовольствіемъ. Послѣ этого мы попросили продать намъ сыра и тотчасъ получили два порядочныхъ круга его; но когда мой спутникъ Г. С. В. сталъ давать молодому человѣку деньги за сыръ, онъ не только не взялъ ихъ, а жестами и выраженіемъ лица далъ намъ понять, что мы, предлагая деньги, обижаемъ его. Сколько мы ни уговаривали его взять съ насъ какую-нибудь плату, все это ни къ чему не привело, и сыръ пришлось принять, какъ подарокъ. Чтобы хоть сколько-нибудь отблагодарить любезнаго незнакомца, мы пригласили его вмѣстѣ съ братомъ къ намъ на чай утромъ и вечеромъ. Чай и какао они пили съ удовольствіемъ, но сардинки, которыми мы надѣялись доставить имъ удовольствіе, они нашли совсѣмъ невкусными. При прощаніи мы подарили имъ немного пороху. Изъ нашихъ вещей понравились имъ больше всего бинокль и моя американская магазинная винтовка, стрѣляющая бездымнымъ порохомъ и пулями въ мельхіоровой оболочкѣ.

Наша стоянка находилась на правомъ берегу Мзымты, версты на двѣ ниже озера Кардывича на высотѣ болѣе 5400 ф. надъ ур. моря. Около нея разстилались пышные луга, на которыхъ цвѣли пахучія лиліи (*Lilium monadelphum*). *Aster Caucasicus*, незабудки (*Myosotis alpestris*), акониты (*Aconitum Orientale* и *A. variega-*

tum), Delphinium, водосборы (*Aquilegia Olympica*) и многія другія травянистыя растенія. Рядомъ съ горными лугами росли лѣса и перелѣски, состоящія изъ березы, рябины, бука, пихты и горнаго клена. Гораздо большее пространство занимали лѣса на противоположной, т. е. на лѣвой сторонѣ Мзымты. Тамъ сплошныя пихтовые насажденія тянулись на многія версты, а надъ ними поднимались высокія горы, на которыхъ видны были не только снѣжныя поля, но и довольно большіе глетчеры. Наиболѣе высокую изъ этихъ горъ имеретины называли Вадагаромъ. На ней лежитъ много снѣга, а правѣе ея находится другая очень высокая гора съ двумя ледниками, спускающимися къ долинѣ Мзымты. Они имѣютъ порядочные размѣры, пересѣкаются множествомъ трещинъ, но оканчиваются очень высоко, и потому могутъ быть причислены только къ ледникамъ второго разряда. Принадлежать они хребту, который тянется между долинами Мзымты и Псоу, но отстоятъ отъ верховьевъ Мзымты довольно далеко. Изъ птицъ въ верховьяхъ Мзымты мы видѣли вороновъ, альпійскихъ воронъ (*Fregilus gasculus*), альпійскихъ галокъ (*Pugghocogax alpinus* Wiel.), пѣночекъ, нѣсколькихъ оляпокъ, снигирей и очень много бѣлозобыхъ дроздовъ (*Merula torquata*). Змѣй въ долинѣ Мзымты мнѣ не попадалось вовсе, но имеретины говорили, что часто видятъ на горахъ толстыхъ короткихъ испещренныхъ черными пятнами змѣй. Очевидно, это *Vipera xanthina* Gray, которая живетъ и въ верховьяхъ Малой Лабы. Версты на три ниже нашей стоянки въ Мзымту впадаетъ небольшая горная рѣчка, по ущелью которой тянется тропа на перевалъ Хехударъ, ведущій изъ долины Мзымты къ верховьямъ р. Уадхары, принадлежащей уже бассейну Бзыби. Ущелье этой рѣчки тянется на протяженіе всего лишь версты пяти и на большей части пространства покрыто лѣсами, въ которыхъ преобладаютъ хвойныя породы, именно пихта съ примѣсью восточной ели (*Picea Orientalis*). Перевалъ Хехударъ описанъ Н. Альбовымъ въ упомянутой уже мною статьѣ. Онъ принадлежитъ тому хребту, который представляетъ какъ-бы перемычку между Главнымъ Кавказскимъ хребтомъ и хребтомъ, ограничивающимъ долину Мзымты съ лѣвой стороны. Хехударъ сравнительно низокъ и едва достигаетъ верхней границы лѣса. На немъ растутъ горный кленъ, букъ, орѣшникъ, рябина, береза и ивнякъ (*Salix carpea*). Ледниковъ и вѣчныхъ снѣговъ на немъ, конечно, не можетъ быть. Такъ какъ черезъ этотъ перевалъ прогоняютъ довольно много скота изъ Черноморской губерніи въ Сухумскій округъ, то у тропы,

ведущей къ нему со стороны Мзымты, поставленъ ветеринарный постъ. Что касается хребта, который тянется вправо отъ перевала параллельно Главному хребту и ограничиваетъ долину Мзымты съ лѣвой стороны, то онъ отличается значительной высотой (нѣкоторыя вершины его поднимаются до 10700 ф.). Отдѣльныя части, покрытыя вѣчными снѣгами и ледниками и извѣстныя подъ именемъ Адзитуго, Аюмга и т. д., вскользь описаны покойнымъ Н. Альбовымъ и ждутъ еще изслѣдователей.

Съ верховьевъ Мзымты мы должны были отправиться въ обратный путь на перевалъ Аишхо, но на этотъ разъ избрали болѣе короткую дорогу, о которой я уже говорилъ при описаніи спуска съ перевала. Намъ надо было проѣхать прежнимъ путемъ внизъ по долинѣ Мзымты верстъ 12, а около Энгельманской поляны круто повернуть вправо, на горы, ограничивающія долину Мзымты съ правой-же стороны. Съ верховьевъ Мзымты мы выступили въ девятомъ часу утра и къ полудню добрались до поляны, гдѣ наша новая дорога отдѣлилась отъ старой. Здѣсь мы простояли до 4-го часа, такъ какъ въ самое жаркое время дня подниматься на длинную и такую крутую гору было-бы очень тяжело какъ для насъ, такъ и для нашихъ лошадей.

Первыя сажень сто мы проѣхали верхами, а затѣмъ надо было спѣшиться и подниматься на кручу по открытой мѣстности подъ палящими лучами солнца. Когда мы вошли въ лѣсъ, тропинка потянулась въ немъ вдоль неглубокой балки, но вскорѣ отошла отъ нея въ сторону. При началѣ лѣса она была довольно сильно убита, а дальше дѣлалась все менѣе и менѣе замѣтной и часто терялась совершенно; тогда мы принуждены были идти лѣсной чащей, придерживаясь лишь извѣстнаго направленія, до тѣхъ поръ, пока снова не попадали на тропинку. На значительной части своего протяженія она гораздо больше напоминала звѣриную тропу, по которой бродятъ волки или медвѣди, чѣмъ дорогу, находящуюся въ пользованіи человѣка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она была кромѣ того завалена сломанными бурей деревьями. Надо замѣтить, что никто изъ насъ въ этой мѣстности никогда не былъ, — поэтому намъ особенно трудно было находить эту извивающуюся среди безконечнаго лѣса едва замѣтную тропинку. Большую часть ея намъ пришлось пройти пѣшкомъ, такъ какъ во многихъ мѣстахъ она очень круто поднималась на гору. Лѣсъ, окружающій ее, внизу, при началѣ подъема, состоялъ изъ различныхъ лиственныхъ породъ, въ средней части главнымъ образомъ

изъ крупныхъ высокоствольныхъ букowychъ насаждений, а еще выше изъ пихты съ примѣсю бука.

По этой тропинкѣ мы поднимались около трехъ часовъ и наконецъ выбрались на верхъ того отрога Главнаго Кавказскаго хребта, который отдѣляется отъ него у горы Аишхо и тянется между долинами Пслуха и Мзымты. Когда подъемъ почти кончался, стали попадаться небольшія поляны, заросшія высокимъ, какъ лѣсъ, бурьяномъ. Кромѣ того, всѣ онѣ были усѣяны торчащими изъ земли острыми угловатыми камнями. Ъхать по нимъ было невозможно, такъ какъ лошадь каждую минуту могла натѣнуться на скрытый въ бурьянѣ камень, упасть и искалѣчить не только себя, но и всадника. По такимъ мѣстамъ намъ пришлось пробираться безъ всякой дороги еще часа полтора или два и перейти нѣсколько неглубокихъ котловинъ и балокъ. Одно мѣсто, представляющее цѣлый хаосъ камней и почти сплошь заросшее высокими кустами кавказской черники, калины-гордовины и бурьяна, показалось намъ особенно плохимъ. На немъ мы и наши лошади едва не выломали себѣ ноги.

Передъ вечеромъ мы выбрались на самый гребень хребта и на чистомъ открытомъ мѣстѣ разбили палатку. На сѣверѣ, врестахъ въ трехъ отъ насъ, высокой стѣной поднимался Главный Кавказскій хребетъ. Онъ былъ виденъ отъ основанія до самаго гребня, но отдѣлялся отъ насъ глубокой долиной. На немъ можно было узнать гору Аишхо и переваль, черезъ который намъ предстояло перебраться во второй разъ. Во всѣхъ другихъ направленіяхъ отъ нашей стоянки также видно было много высокихъ горъ и очень красивыхъ ущелій, причемъ нѣкоторыми изъ нихъ мы могли любоваться съ высоты птичьяго полета.

Утромъ на слѣдующій день мы встали очень рано. Такъ какъ небо было покрыто облаками, то я уговаривалъ своихъ спутниковъ поскорѣе отправляться въ путь, чтобы перебраться черезъ переваль какъ можно раньше, когда съ большей вѣроятностью можно было надѣяться на сносную погоду. Такъ какъ по пути къ перевалу намъ предстояло перейти безъ всякой дороги черезъ нѣсколько балокъ, заросшихъ громаднымъ бурьяномъ и заваленныхъ камнями, то мы договорили одного имеретина, жившаго на кошѣ, который находился недалеко отъ нашего ночлега, провести насъ до того мѣста, гдѣ намъ не трудно будетъ находить дорогу безъ посторонней помощи.

Выступили мы въ седьмомъ часу утра. Во многихъ мѣстахъ

на нашемъ пути не было ни малѣйшихъ признаковъ тропинки и стоялъ бурьянъ вышиною не менѣе сажени. Особенно громаднаго роста онъ достигалъ въ балкахъ и котловинахъ. Камни, ямы и водомоины попадались въ немъ на каждомъ шагу. Безъ проводника, хорошо знакомаго съ этими мѣстами, намъ, дѣйствительно, было-бы очень трудно найти дорогу. Пробраться по нимъ пришлось, впрочемъ, сравнительно недолго, такъ какъ за полтора часа мы прошли черезъ всѣ балки и выбрались на знакомую намъ тропу, по которой спускались съ перевала Аишхо нѣсколько дней тому назадъ. Здѣсь идти было гораздо лучше, а кое-гдѣ можно было проѣхать верхомъ, но въ это время насъ накрылъ такой густой туманъ, съвозъ который нельзя было ничего видѣть даже въ 20 шагахъ, и, кромѣ того, съ гребня Кавказскаго хребта навстрѣчу намъ подулъ сильный и холодный вѣтеръ. Такъ какъ въ этомъ мѣстѣ не существовало никакой другой тропы кромѣ ведущей на перевалъ, то сбиться съ нея мы не могли; но вѣтеръ для насъ былъ крайне неприятенъ. Перелѣзая изъ балки въ балку и взбираясь затѣмъ форсированнымъ шагомъ на страшно крутую гору, которая тянулась на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, мы были въ сильнѣйшей испаринѣ, а въ это же время сырой холодный вѣтеръ насквозь пронизывалъ насъ. Я шелъ въ суконномъ пиджакѣ, довольно плотномъ, но его на мнѣ какъ будто-бы не было, а мокрая холодная рубашка при прикосновеніи къ тѣлу вызывала такое ощущеніе, точно къ нему прикладывали ледъ или снѣгъ. Приблизительно то-же испытывали, вѣроятно, и всѣ мои спутники. Я невольно вспомнилъ въ это время про различнаго рода фуфайки, къ которымъ не прибѣгалъ еще ни разу во время своихъ путешествій. Особенно неприятно было то, что мы не могли остановиться ни на одну минуту, чтобы перевести духъ и дать успокоиться сердцу, такъ какъ во время остановокъ холодный вѣтеръ еще сильнѣе давалъ себя чувствовать.

Когда до перевала оставалось версты полторы, вѣтеръ и холодъ усилились еще больше, и я принужденъ былъ надѣть на себя еще другой суконный пиджакъ. Раньше сдѣлать это было невыгодно, такъ какъ пришлось бы вспотѣть еще больше, а теперь оказалось очень кстати. Часовъ въ 11 дня, наконецъ, вступили мы въ неглубокую сѣдловину между двухъ горъ и, когда туманъ немного разсѣялся, тотчасъ узнали въ ней перевалъ Аишхо. Въ это время на сѣверномъ склонѣ стояла ясная погода, и мы съ удовольствіемъ могли смотрѣть на хорошо знакомыя намъ доли-

ны и ущелья Кубанской области. Съ перевала на протяженіи версты двухъ или трехъ можно было ѣхать на лошади, но я предпочелъ пройти эту часть пути пѣшкомъ, чтобы остыть постепенно и собственной теплотой высушить свое бѣлье. Внизъ шли мы гораздо быстрѣе и скоро добрались до того мѣста, гдѣ нѣскольکو дней тому назадъ ночевали передъ подъемомъ на перевалъ, затѣмъ перешли черезъ осыпи и вступили въ лѣсъ. Когда до ветеринарнаго поста оставалось съ версту, насъ захватилъ сильнѣйшій дождь съ грозой. Надѣясь, что такой ливень кончится очень скоро, я слѣзъ съ лошади и, чтобы переждать его, сталъ подъ густой столѣтней пихтой, которую, какъ казалось мнѣ, никакой дождь пробить не можетъ. Въ это время было нѣсколько оглушительныхъ ударовъ грома; раздаваясь съ особенною силой въ узкомъ ущельѣ, они каждый разъ наводили такой страхъ на мою лошадь, что я едва могъ удерживать ее за поводъ; дождь-же лилъ въ это время какъ будто-бы не каплями, а водяными веревками, свѣшивающимися изъ тучъ. Крутая гора, поднимавшаяся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, была почти не видна сквозь низвергавшіеся съ неба потоки воды. Я простоялъ подъ пихтой минутъ двадцать: черезъ нее начали уже падать на меня крупныя капли, а дождь не только не прекращался, а временами даже замѣтно усиливался. Ждать мнѣ надоѣло, съ вѣтвей пихты начала все сильнѣе и сильнѣе течь вода, и я, не предвидя конца дождю, рѣшилъ скорѣе ѣхать на постъ. Добравшись до него, я засталъ тамъ П. А. Петрова и своихъ спутниковъ, уже успѣвшихъ переодѣться въ сухое платье. Едва сбросилъ я съ себя верхнюю одежду, какъ пересталъ и дождь.

На посту мы простояли около сутокъ, такъ какъ должны были дать отдыхъ лошадямъ, а потомъ отправились на Умпырь. Дорога къ нему сдѣлалась еще хуже, чѣмъ была прежде, а кое-гдѣ оказалась совершенно смытой во время послѣдняго ливня. Въ одномъ мѣстѣ надъ глубокимъ обрывомъ, гдѣ тропа пересѣкала небольшую балочку, вода нанесла на нее цѣлыя груды камня и щебня, по которымъ никакъ нельзя было провести лошадей. Кромѣ того, буря повалила здѣсь на тропу огромную пихту, разбившуюся на двѣ части. Провести лошадей ни вправо, ни влѣво было невозможно, такъ какъ съ одной стороны возвышалась круча, а съ другой находился крутой скалистый обрывъ, свалившись съ котораго лошадь должна была-бы погибнуть непремѣнно. Надъ расчисткой этого мѣста всѣ мы, въ числѣ пяти человекъ,

проработали полтора часа, потомъ перенесли на своихъ плечахъ всѣ наши вьюки и послѣ этого уже съ немалымъ рискомъ провели лошадей. Проѣхавъ версты двѣ, мы встрѣтили еще одно мѣсто, гдѣ тропа была испорчена, но здѣсь намъ пришлось поработать всего лишь минутъ двадцать. Наконецъ, часа въ три пополуудни мы прибыли на Умпырь.

IV.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, путешествуя въ верховьяхъ Бѣлой, я посѣтилъ между прочимъ ущелье Уруштена. Тогда-же мною было описано это ущелье *), но, такъ какъ въ то лѣто мнѣ не удалось добраться до самыхъ истоковъ рѣчки и до перевала Псеашхо, то я предпринялъ вторую поѣздку въ эти мѣста, рѣшивъ осмотрѣть кстати и ту часть долины Мзымты, которая находится непосредственно за переваломъ Псеашхо. Описаніе послѣдней поѣздки я начинаю съ того момента, когда мы выступили изъ лагеря В. К. Сергія Михайловича, построеннаго на берегу Уруштена и у самой тропы, которая ведетъ изъ Псебая черезъ Ятыргварту на переваль Псеашхо и Красную Поляну. Мѣсто это отстоять отъ перевала версть на 15.

Дорога на переваль Псеашхо выше уруштенаго лагеря идетъ по узкому заросшему почти сплошь лѣсомъ ущелью, въ которомъ кое-гдѣ только встрѣчаются небольшія поляны. Тропа, находящаяся здѣсь, очень плоха, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже едва замѣтна, несмотря на то, что по ней давно уже производится сообщеніе между жителями Черноморской губерніи или бывшаго Черноморскаго округа и Кубанской области. Она тянется то по осыпямъ и кручамъ надъ самымъ берегомъ рѣчки, то по топкимъ болотистымъ мѣстамъ и, кромѣ того, нѣсколько разъ переходитъ съ одной стороны рѣчки на другую. Лѣсъ здѣсь болѣе или менѣе мелкій на днѣ ущелья и довольно крупный на склонахъ его. Онъ состоитъ главнымъ образомъ изъ лиственныхъ породъ: бука, клена (*Acer platanoides* и *A. Trautvetteri*), березы, вяза, орѣшника, калины, рябины и т. д. Встрѣчаются также и хиты, а изъ мелкихъ кустарниковъ смородина, малина, рододендроны и жимолость. Изъ папоротниковъ чаще всего попадается *Struthiopteris Germanica* Willd. На болотахъ во многихъ мѣстахъ растутъ хвощи. Проѣзжая по этой тропинкѣ, мы видѣли много медвѣжьихъ слѣдовъ, а

*) Зап. Кавк. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. XIX.

въ одномъ мѣстѣ вспугнули цѣлый гуртъ дикихъ свиней. На горахъ, окружающихъ это ущелье, водятся туры и серны.

Верстахъ въ 10 отъ перевала долина Уруштена замѣтно расширяется и раздѣляется на три отдѣльныхъ ущелья. Одно изъ нихъ, по которому течетъ порядочная рѣчка, впадающая въ Уруштень съ правой стороны, имѣетъ версть 10-12 въ длину и тянется въ юго-восточномъ направленіи *). На востокъ отъ нея ущелье ограничивается амфитеатромъ высокихъ зубчатыхъ скалъ, на которыхъ красивой сѣткой, напоминающей ажурную работу, лежатъ полосы и пятна снѣга. Подъ ними въ глубокой котловинѣ, окруженной съ трехъ сторонъ горами, находится маленькій глетчеръ. Влѣво отъ этой котловины тянется еще другая. Въ ней также лежитъ снѣгъ, внизу переходящій въ фирнъ-глетчеръ. Отъ него вьется, направляясь внизъ по крутому склону, узкая свѣтлая полоска. Это рѣчка, вытекающая изъ глетчера. На одной высотѣ съ нижней частью его тянутся по скаламъ мелкія березовыя заросли. Довольно порядочный лѣсокъ находится и въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ ниже глетчера. Изъ этихъ глетчеровъ и снѣговъ вытекаетъ много небольшихъ быстрыхъ горныхъ потоковъ, которые впадаютъ въ только что упомянутый притокъ Уруштена. Самыя верховья его отсюда, однако, не видны, такъ какъ его ущелье верстахъ въ пяти выше соединенія съ ущельемъ Уруштена поворачиваетъ сначала круто на югъ, а потомъ на ЮЗ. Здѣсь рѣчка получаетъ свое начало, какъ уже было сказано, изъ довольно большихъ снѣжныхъ полей той части Главнаго Кавказскаго хребта, которая находится между перевалами Аишхо и Псеашхо. Въ нижней части это ущелье покрыто лѣсомъ, въ которомъ растетъ много пихтъ; надъ лѣсами находятся горныя луга, а гребни горъ, окружающихъ ущелье, скалисты и безлѣсны. Путешествуя нѣсколько лѣтъ тому назадъ по горамъ между истоками Бѣлой и Уруштена, я съ гребня ихъ видѣлъ въ описываемомъ ущельѣ небольшое озеро **).

Верстахъ въ двухъ выше слиянія этой рѣчки съ Уруштеномъ съ лѣвой стороны впадаетъ въ него-же другая небольшая рѣчка, которая вытекаетъ множествомъ ручьевъ изъ довольно вы-

---

*) Это та самая рѣчка, ущелье которой мы видѣли съ гребня высокаго хребта, находящагося вблизи одного изъ ледниковъ долины М. Лабы.

***) «Кубанская область въ верховьяхъ Бѣлой и Уруштена». Зап. Кавк. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XIX, стр. 75.

сокаго гребня, раздѣляющаго истоки Уруштена и Киши. Прѣхавъ отъ этихъ мѣстъ еще версты 3-4 вдоль праваго берега Уруштена, мы добрались до того мѣста, гдѣ онъ образуется изъ трехъ рѣчекъ, составляющихъ уже самые истоки его. Въ этомъ мѣстѣ ущелье Уруштена сильно расширяется и превращается въ красивую долину, отчасти заросшую лѣсомъ, а отчасти покрытую горными лугами. Отсюда виденъ и наибольшій глетчеръ истоковъ Уруштена; здѣсь-же на возвышенномъ мѣстѣ около слиянія двухъ истоковъ Уруштена выстроены постъ для ветеринарной стражи. Онъ находится на высотѣ около 5820 фут. надъ уровнемъ моря и имѣетъ небольшую комнатку для ветеринарнаго врача; ею намъ предложилъ воспользоваться П. А. Петровъ дня на три, которые я предполагалъ употребить на осмотръ глетчера и другихъ сосѣднихъ съ переваломъ мѣстъ.

На постъ мы прѣехали часовъ въ шесть вечера. Въ это время глетчеръ, находившійся къ востоку отъ насъ, былъ очень ярко и красиво освѣщенъ косыми лучами солнца, готоваго скрыться за гребнемъ горъ. Только въ одномъ мѣстѣ на гребнѣ зубчатого барьера скалъ, окружающихъ глетчеръ, висѣла густая свинцово-сѣрая туча; всѣ прочія горы были совершенно чисты. Прежде чѣмъ солнце зашло за горы, я успѣлъ сдѣлать фотографическій снимокъ съ перевала и глетчера.

Переночевавъ на посту, мы встали въ шестомъ часу утра. Погода была прекрасная; нигдѣ на горахъ не было видно ни одного облачка, а небо имѣло чудный темно-синій цвѣтъ. Глетчеръ въ это время еще не былъ освѣщенъ солнцемъ и оставался погруженнымъ въ глубокую тѣнь. Онъ представлялся синеваато-сѣрымъ и какимъ-то мрачнымъ, холоднымъ. Впереди насъ находилась правильная, имѣющая видъ широкаго конуса гора, возвышавшаяся на самомъ перевалѣ вправо отъ троцы, которая ведетъ черезъ него. На этой горѣ во многихъ мѣстахъ уже блестѣло солнце. Термометръ показывалъ въ шестомъ часу только 5° тепла. Мы воспользовались чудной погодой для осмотра перевала и его окрестностей.

Перевалъ Псеашхо принадлежитъ къ сравнительно низкимъ: высота его надъ уровнемъ моря равняется всего лишь 6870 ф. Въ этомъ отношеніи онъ только на 620 фут. превосходитъ Бѣлорѣченскій или Шитлибскій перевалъ и значительно уступаетъ переваламъ, находящимся въ верховьяхъ Б. Лабы. Подъемъ на него очень пологъ. На самомъ перевалѣ нѣтъ ни скалъ, ни боль-

шихъ камней, а вездѣ растетъ зеленая трава со множествомъ красивыхъ цвѣтовъ: буковицъ (*Betonica grandiflora*), *Polygonum Bistorta*, персидской ромашки (*Pyrethrum roseum*), гераней, примуль, вероники и т. д.; кромѣ того, здѣсь въ изобиліи встрѣчается конскій щавель (*Rumex crispus*) и чемерица (*Veratrum album*). Окружающіе перевальскіе склоны горъ почти сплошь покрыты рододендронами. Переваль представляетъ довольно глубокую сѣдловину, сильно удлинненную съ сѣвера на югъ. По сторонамъ его возвышаются двѣ довольно порядочныя горы, имѣющія видъ болѣе и менѣе правильныхъ пирамидъ. Снѣга на нихъ нѣтъ почти нигдѣ, высота-же ихъ равняется приблизительно 8000 фут. На этомъ перевалѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга, начинаются истоки Пслуха и Уруштена, направляющихся въ совершенно противоположныя стороны: первый течетъ на югъ, въ Мзымту и, слѣдовательно, въ Черное море, а второй на сѣверъ, въ Лабу, впадающую въ Кубань. Пслухъ начинается на самомъ перевалѣ маленькимъ, свѣтлымъ, медленно текущимъ ручейкомъ, въ который вливаются вскорѣ множество другихъ. Изъ нихъ очень скоро составляется большая шумная рѣчка, сразу уходящая въ страшно глубокое и крутое ущелье, покрытое лѣсомъ. Это и есть самое начало ущелья Пслуха, о которомъ говорилось при описаніи пути съ перевала Аишко въ долину Мзымты. Течетъ Пслухъ сначала на ЮВ., потомъ на Ю., а затѣмъ постепенно поворачиваетъ къ ЗЮЗ. Если проѣхать отъ перевала съ версту на югъ, то можно видѣть большую часть этого ущелья и сосѣднія съ нимъ горы. На востокъ отъ перевала въ гребнѣ Главнаго хребта возвышается черная, высокая, крутая и скалистая гора высотой, вѣроятно, не менѣе 10¹/₂ тысячъ футовъ. На ней лежитъ немного снѣга. Еще дальше за ней виденъ цѣлый рядъ зубцовъ Главнаго хребта, а южнѣе ихъ тянется глубокое и длинное ущелье Мзымты, съ обѣихъ сторонъ окаймленное высокими горами. Эти горы и здѣсь имѣютъ такой-же характеръ, какъ противъ Аишко: вверху онѣ состоятъ изъ скалъ, подъ ними тянется узкій полясъ горныхъ луговъ, граничащій съ поясомъ свѣтло-зеленыхъ березовыхъ зарослей, а еще ниже вѣковые лѣса, которыхъ почти не касалась рука человѣка. Вверху они состоятъ изъ пихтовыхъ насажденій, но не совершенно чистыхъ, а съ большей или меньшей примѣсью бука и другихъ лиственныхъ породъ. Чистыхъ пихтовыхъ насажденій, подобныхъ насажденіямъ сѣвернаго склона, здѣсь, какъ кажется, нѣтъ вовсе. Кромѣ того,

ихъ поясъ въ долинѣ Мзымты довольно узокъ, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ поясомъ этихъ насажденій въ Кубанской области. На это вліяетъ, конечно, не одинъ климатъ, но и относительно большая крутизна горъ южнаго склона.

Съ мѣстъ, лежащихъ немного южнѣ перевала, видна также Красная Поляна или Романовскъ. Она представляется отсюда пестрымъ островкомъ среди безконечнаго моря лѣсовъ. Несмотря на то, что Красная Поляна расположена ниже перевала слишкомъ на 5000 фут. и отстоитъ отъ него верстъ на 15 по прямой линіи, ее видно отлично, и кажется, что до нея не болѣе 5-6 верстъ. Съ Псеашхо можно ясно различить, что она состоитъ изъ одной широкой улицы и нѣсколькихъ десятковъ домиковъ съ бѣлыми крышами, разбросанныхъ по бокамъ ея. Ниже ихъ по долинѣ Мзымты видна еще группа болѣе солидныхъ построекъ. Около поселка блестятъ золотисто-желтымъ цвѣтомъ хлѣбныя поля, а къ западу отъ него поднимается высокая гора Ачипхо, которая только на самомъ верху не покрыта лѣсомъ. Широкая и притупленная вершина ея почти лишена снѣговъ. Высота Ачипхо равняется 7757 фут. Ниже и по сторонамъ Красной Поляны всѣ горы покрыты сплошнымъ лѣсомъ: рѣдко-рѣдко виднѣется среди него какая-нибудь выдающаяся скала или небольшая осыпь.

Если проѣхать отъ перевала версты три на югъ, то можно видѣть южный склонъ той части Главнаго Кавказскаго хребта, которая тянется на западъ отъ Псеашхо. Этотъ хребетъ необыкновенно крутъ, въ особенности съ южной стороны, гдѣ онъ на всемъ своемъ протяженіи представляетъ почти отвѣсную черную стѣну высотой въ цѣлыя тысячи футовъ. Зубчатый гребень его кажется острымъ, какъ настоящій ножъ или пила; по нему, навѣрно, не можетъ пройти ни человѣкъ, ни звѣрь. У подножья этой черной стѣны тянется узкая полоска горныхъ луговъ, а подъ нею мелкій березнякъ и густыя заросли низкорослаго бука. Высота этого гребня, навѣрное, не менѣе 10000 ф. Снѣга и небольшіе глетчеры сѣвернаго склона его питаютъ Кишу (Чегсъ на пятиверстной картѣ Кавказа), впадающую въ Бѣлую; съ южной-же стороны его вытекаетъ р. Пузико, притокъ Мзымты. На востокъ этотъ гребень оканчивается не особенно высокой и покрытой лишь небольшими пятнами снѣга горой Дзитаку, обозначенной на пятиверстной картѣ Кавказа и отстоящей версты на четыре отъ перевала Псеашхо; на западѣ-же онъ образуетъ пологій изгибъ къ сѣверу и доходитъ такимъ образомъ до Шугуса, наиболѣе высокой горы этихъ мѣстъ

(10642 фута). У восточнаго конца изгиба поднимается очень высокая и острая гора, на южной сторонѣ которой, начиная отъ самой вершины, тянется большое снѣжное поле, раздѣленное гребнемъ черныхъ скалъ на двѣ неравныя части. Это, вѣроятно, г. Ассара, также обозначенная на пятиверстной картѣ Кавказа. Что касается Шугуса, то онъ отсюда не виденъ, такъ какъ его закрываютъ ближайшія горы.

Почти у самаго перевала къ долинѣ Уруштена съ лѣвой стороны подходитъ еще одна просторная, но короткая (версты въ три) долина. Съ сѣвера и юга она окаймлена высокими горами, дно-же ея плоское, ровное и представляетъ почти сплошное болото. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на немъ растутъ, какъ на настоящихъ торфяникахъ сѣвера, почти одни только мхи, въ другихъ же различныя болотныя травы. Мѣстами оно настолько топко, что по нему нельзя проѣхать на лошади. Эта долина едва возвышающейся узкой перемычкой отдѣляется отъ глубокаго и крутого скалистаго ущелья одного изъ истоковъ Пузико. На перевалѣ Псеашхо находится еще нѣсколько маленькихъ, но очень красивыхъ и, повидимому, довольно глубокихъ озерковъ. Они наполнены чистой прозрачной водой густого синяго цвѣта. Одно изъ нихъ имѣетъ сажень 30 въ длину и находится очень близко отъ тропы, ведущей черезъ перевалъ, а два другихъ въ только что описанной боковой долинѣ.

Деревья и кустарники доходятъ почти до самаго перевала Псеашхо. Низкорослыя корявыя березы вблизи его образуютъ даже большія сплошныя заросли; то-же можно сказать и про низкорослый букъ. Пихты лишь немного не доходятъ до перевала, а около ветеринарнаго поста, который расположенъ ниже перевала только на 1000 футовъ, растутъ отлично; на лѣвой-же сторонѣ долины Уруштена онѣ поднимаются даже футовъ на 1000 надъ постомъ и, слѣдовательно, распространяются до высоты, равной высотѣ перевала.

Когда мы проѣхали на югъ отъ перевала версты двѣ, то на гребнѣ, проходящемъ вдоль одного изъ истоковъ Пслуха, увидѣли небольшой, штукъ въ 7 или 8, табунокъ сернѣ. Я рѣшилъ попытаться счастья подкрасться къ нимъ, хотя мѣстность совсѣмъ не благоприятствовала этому: она представляла открытый чистый откосъ, среди котораго, на виду у сернѣ, находились мы. Когда я добрался до подножья скалъ, гдѣ были замѣчены серны, то одна изъ нихъ, стоя на краю отвѣснаго уступа, пристально смотрѣла

внизъ прямо на меня. До нея было шаговъ 300 и большая часть ея туловища закрывалась зубцомъ скалы,—поэтому я не рѣшился стрѣлять по ней. Я зналъ, что къ этой сернѣ подойти уже не удастся, но думалъ, что другія, которыя теперь меня не видятъ, могутъ остаться гдѣ-нибудь на скалахъ, и потому рѣшилъ полѣзть вверхъ и тамъ поискать ихъ. Труды мои не увѣнчались успѣхомъ, хотя я съ большой осторожностью осматрѣлъ всѣ скалы на протяженіи не менѣе версты. Очевидно, серны испугались насъ и ушли. Въ это-же утро на перевалѣ мы видѣли горную индѣйку (*Tetraogallus caucasicus*) съ нѣсколькими цыплятами. Последніе не могли еще летать и быстро бѣжали за своей матерью вверхъ по грудамъ камней. Несмотря на близость людей, мать, очевидно, не хотѣла оставить своихъ птенцовъ и улетѣть. Мы съ удовольствіемъ смотрѣли, съ какой ловкостью крошечные птенчики вскакивали на довольно высокіе уступы. Ихъ какъ будто-бы подбрасывала вверхъ какая-нибудь пружина. На перевалѣ мы видѣли много чекановъ, альпійскихъ воронъ (*Fregilus graculus*), нѣсколько бѣлоголовыхъ грифоновъ (*Gyps fulvus* Gm.), сарычей (*Buteo Menetriesi*), много бѣлозобыхъ дроздовъ (*Turdus torquatus*), дроздовъ-дерябъ (*Turdus viscivorus*), снѣгирей и желтыхъ плисокъ.

Наиболѣе интереснымъ предметомъ въ окрестностяхъ перевала надо считать ледникъ Псеашхо, находящійся въ верховьяхъ восточнаго истока Уруштена. Къ этому леднику я отправился послѣ осмотра прочихъ окрестностей перевала. Расстояніе отъ поста до ледника равняется верстамъ 2½ или 3. Итти къ нему приходится почти все время открытой мѣстностью, по долинкамъ довольно порядочной рѣчки, и лишь полверсты по густому лѣску, состоящему изъ однѣхъ только низкорослыхъ корявыхъ березъ, которыя растутъ на каменистыхъ косогорахъ, представляющихъ старыя морены глетчера. За лѣскомъ надо было пройти еще саженъ сотню по грудамъ нагроможденныхъ другъ на друга камней прежде, чѣмъ приблизиться къ самому глетчеру. Онъ имѣетъ, вѣроятно, болѣе версты въ длину, вверху болѣе или менѣе широкъ, но къ нижнему концу очень сильно суживается. Къ главной вѣтви его съ лѣвой стороны присоединяется очень короткій обрывистый фирнѣ-глетчеръ. Выше него съ той-же стороны находится другой фирнѣ-глетчеръ, но не соединяющійся съ главнымъ. Отъ него тянется къ главной вѣтви только узкая полоса снѣга. Оканчивается ледникъ на высотѣ около 6500 ф. при основаніи крутого скалистаго уступа, причемъ только лѣвая часть главной вѣтви

сползаетъ до самаго подножья уступа. Отъ этого послѣдняго тянется уже заваленный каменными глыбами склонъ, который представляетъ частью конечную морену ледника, частью простую осыпь.

Ледникъ лежитъ въ котловинѣ, окруженной съ трехъ сторонъ горами, а съ четвертой (западной)—открытой. Въ лѣтнее время надъ нимъ вовсе нѣтъ фирна, который-бы могъ питать его; поэтому глетчеръ лѣтомъ, какъ сообщаютъ стражники, сильно уменьшается. По ихъ словамъ, въ самомъ началѣ лѣта широкая полоса льда спускается до самаго подножья упомянутаго уступа, къ концу-же его глетчеръ сильно укорачивается. Кромѣ того, въ это время ледникъ на половинѣ своей длины образуетъ перерывъ, раздѣляясь на верхнюю и нижнюю части выступомъ скалы, которая раньше бываетъ скрыта подъ льдомъ.

Изъ глетчера вырывается съ сильнѣйшимъ шумомъ мутная рѣчка, имѣющая въ ширину сажени 2-3. Она, прыгая съ камня на камень, съ страшной быстротой несется внизъ по долину. Ниже глетчера находится много свѣже-обтертыхъ льдомъ скалъ, указывающихъ на то, что даже въ недавнее время глетчеръ былъ значительно длиннѣе. Съ правой (сѣверной) стороны ледника лежитъ довольно порядочное свѣжное поле, внизу переходящее въ ледникъ. Изъ него вытекаетъ рѣчка съ чистой прозрачной водою. Вблизи ледника въ березовомъ лѣскѣ я видѣлъ нѣсколькихъ черно-головыхъ соекъ и былъ удивленъ, встрѣтивъ ихъ въ такой мѣстности. Обтертыя льдомъ скалы мнѣ попадались въ этой долину не только около ледника, но и на значительномъ разстояніи отъ него. Послѣднее указываетъ на то, что въ далекомъ прошломъ большая часть этой долины была наполнена глетчерными полями.

Я не сказалъ еще о томъ, что ветеринарный постъ, на которомъ мы остановились, занимаетъ очень живописное мѣстоположеніе. Онъ расположенъ на небольшомъ возвышеніи, покрытомъ альпійскими лугами съ разбросанными по нимъ рѣдкими деревьями (ивьями и березами); почти во всѣ стороны отъ него открывается болѣе или менѣе широкая даль, на которой выступаютъ картины одна лучше другой. Съ поста виденъ ледникъ, окруженный высокими красивыми горами, нижняя часть долины Уруштена, покрытое густымъ лѣсомъ ущелье, ведущее на перевалъ, и очень высокій скалистый гребень, ограничивающій долину Уруштена съ западной стороны. На этомъ посту съ удовольствіемъ

можно прожить нѣсколько дней. Изъ звѣрей чаще другихъ попадаются около него туры (Carpa Sewertzowi Menzb.), а затѣмъ медвѣди и серны; олени и дикіе кабаны держатся ниже поста по долину Уруштена.

Послѣ осмотра ледника и всѣхъ окрестностей перевала Псеашхо мы отправились на Красную Поляну. Отъ поста нужна было пробхать знакомой уже намъ дорогой верстѣ восемь, а затѣмъ спуститься въ долину Пузико. При самомъ началѣ спуска есть одно очень нехорошее и довольно опасное мѣсто, гдѣ приходится сводить лошадей безъ всякой тропинки съ обрывистой крутой скалы. Здѣсь, какъ сообщили мнѣ ветеринарные стражники, скатилась подъ кручу и едва не убила одна изъ лошадей Н. А. Буша и Н. Н. Щукина; намъ-же удалось это мѣсто пройти безъ всякихъ приключеній. За нимъ тропа идетъ также по довольно крутому скалистому косоугору вдоль западнаго склона хребта, отдѣляющаго долину Пслуха отъ верховьевъ нѣсколькихъ притоковъ Пузико съ лѣвой стороны. Проходя здѣсь, мы замѣтили на скалахъ, выше тропы, въ двухъ мѣстахъ сернь, и я съ однимъ изъ своихъ проводниковъ отправился поохотиться за ними. Пробираясь по косоугору, мы вспугнули одну серну; она была очень близко, но, замѣтивъ насъ, быстро бросилась на гору. Довольно высокая трава и солнце, свѣтившее мнѣ прямо въ глаза, не позволили выбрать удобный моментъ для выстрѣла. Вслѣдъ за этой серной мы увидѣли еще одну, находившуюся выше первой; но къ ней подкрасться было невозможно, такъ какъ она стояла на совершенно открытомъ косогорѣ. Пройдя шаговъ сорокъ, я замѣтилъ еще 3-4 серни, и одна изъ нихъ на нашихъ глазахъ зашла подъ тѣнь сосны и остановилась у самаго ствола ея. Я подкрался къ ней шаговъ на 170. Она стояла грудью ко мнѣ, представляя небольшую сравнительно цѣль. Чтобы не сдѣлать промаха при такихъ условіяхъ, надо было цѣлиться очень тщательно. Скрываясь за невысокимъ пригоркомъ, я легъ, положилъ винтовку на скалу и выстрѣлилъ. Серна тихо, какъ будто-бы вовсе не задѣтая пулей и нисколько не испуганная, прошла шаговъ 20 и легла. Очевидно, она была такъ сильно ранена, что не могла бѣжать. Не показываясь сернѣ на глаза, я прошелъ по направленію къ ней еще шаговъ 30; она лежала съ приподнятой головой, смотрѣла въ мою сторону и, какъ мнѣ казалось, замѣтила меня. Такъ какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея была круча, въ которую она могла скатиться при первой попыткѣ бѣжать, то я счелъ за лучшее скорѣе добить ее и пото-

му, добравшись до слѣдующаго пригорка, выстрѣлилъ въ нее во второй разъ. Послѣ этого серна скатилась подъ гору шаговъ на 10 и остановилась, зацѣпившись за камень. При осмотрѣ ея оказалось, что первая пуля попала ей спереди въ правую сторону груди и пошла вдоль тѣла, а вторая пронизала грудь наискось, ударивъ вблизи предпоследняго ребра и выйдя на противоположной сторонѣ ея около лопатки.

Ободравъ серну и разрѣзавъ ее на части, мы спустились къ лошадямъ и затѣмъ пошли дальше, внизъ по тропѣ. Вскорѣ мы вступили въ лѣсъ, который покрываетъ гребень и склоны хребта Псекохо. Вначалѣ онъ состоитъ изъ березы, рябины и горнаго клена, на высотѣ-же около 4900 футовъ надъ ур. моря преобладающей породой являются въ немъ пихты. Многія изъ нихъ достигаютъ на хребтѣ Псекохо громаднѣйшихъ размѣровъ. Я нарочно измѣрилъ нѣсколько самыхъ крупныхъ экземпляровъ, и при этомъ оказалось, что онѣ имѣютъ въ окружности до 4¹/₂, обхватомъ, т. е. около 11 аршинъ. Такихъ гигантовъ я не видѣлъ раньше нигдѣ, кромѣ долины Загдана, находящейся въ верховьяхъ Б. Лабы. Нѣсколько ниже, почти на 4000 ф. надъ ур. м., росли каштаны. Последнее обстоятельство указываетъ на теплый климатъ южныхъ склоновъ здѣшнихъ горъ. На высотѣ 2¹/₂ тысячъ футовъ растутъ очень много черешенъ съ мелкими, но очень сладкими черными плодами. Въ этомъ году урожай на нихъ былъ такой сильный, что мы, пять человѣкъ, нагнувши одну толстую вѣтку, могли вдоволь насытиться черешнями. Еще ниже въ лѣсу начинаютъ на каждомъ шагѣ попадаться груши, каштаны, волопскіе орѣха, лыча, шипки или мушмала (*Mespilus Germanica*), кизиль, а также другія фруктовыя деревья и кустарники. Здѣсь же лѣсъ переплетается множествомъ лианъ, а на поляпахъ и опушкахъ его растутъ различныя колючія растенія. Къ первымъ принадлежатъ обвойникъ (*Periploca Graeca*) и ломоносъ (*Clematis*), который такъ густо заплетаетъ деревья и кустарники, что за его листьями и бѣлыми цвѣтами совсѣмъ не видно растенія, служащаго ему опорой. Изъ колючихъ кустарниковъ особенно замѣчательнъ *Smilax excelsa*. Онъ также вьется, имѣетъ красивыя зеленыя вѣтви, но вооруженъ такими крѣпкими острыми и загнутыми колючками, которыя неосторожному человѣку могутъ нанести довольно серьезныя пораненія. Не менѣе замѣчательна въ этомъ отношеніи и ожина (*Rubus discolor*). Она достигаетъ въ высоту болѣе сажени, имѣетъ стебли толщиною въ палецъ, довольно вкусныя

плоды, но также очень большіе острые и загнутые шипы. Колючее держи-дерево (*Paliurus aculeatus*), любящее болѣ сухія мѣста, мнѣ здѣсь не попадалось вовсе. Въ вѣтвяхъ-же лѣсахъ растутъ дубъ, грабъ, хмѣлеграбъ, нѣсколько видовъ клена, ясень, ольха, черноольха и т. д. Спускъ съ хребта Псекохо и вообще съ Псеашхо очень крутъ,—поэтому почти весь его мы прошли пѣшкомъ.

Пропутешествовавъ по лѣсу часа три, мы достигли р. Пузико: Дня два тому назадъ въ верховьяхъ ея прошелъ сильнѣйшій дождь, послѣ котораго вода до сихъ поръ оставалась очень мутной. По берегамъ Пузико были нагромождены подмытыя водой деревья съ зелеными еще листьями, карчи и груды камня, перемѣшаннаго съ щебнемъ и иломъ. Вода продолжала размывать ихъ и потому не могла очиститься. Несмотря на небольшую длину, не превышающую 20 верстъ, Пузико представляетъ довольно порядочную рѣчку шириною шаговъ въ 20-30. Она получаетъ начало множествомъ горныхъ потоковъ съ горы Ачишхо и той части Главнаго Кавказскаго хребта, которая тянется на З. отъ перевала Псеашхо. По берегамъ Пузико попадаются кое-гдѣ маленькія полянки; ими очень дорожатъ жители Красной Поляны, окруженной со всѣхъ сторонъ сплошными лѣсами. Пройдя вдоль Пузико версты три, мы снова очутились на берегу Мзымты. Она и теперь была чиста и прозрачна и своимъ зеленовато-голубымъ цвѣтомъ рѣзко отличалась отъ грязнаго Пузико. Ихъ воды довольно долго текли въ общемъ руслѣ, не смѣшиваясь другъ съ другомъ. Мы съ удовольствіемъ напился чистой свѣжей воды изъ Мзымты и поѣхали дальше. Теперь намъ оставалось всего лишь верстъ 6 до Красной Поляны. Растительность здѣсь стала еще богаче и разнообразнѣе, но въ то-же время появилось много сорныхъ травъ. Изъ нихъ особенно сильно распространена травянистая бузина (*Sambucus Ebulus*), заросли которой завладѣли всѣми не покрытыми лѣсомъ мѣстами по берегамъ Мзымты и отчасти проникли въ лѣса.

Послѣ семичасоваго пути отъ перевала Псеашхо мы попали, наконецъ, на Красную Поляну, будущій городъ Романовскъ и курортъ. Расположена она на высотѣ 1730 ф. надъ ур. моря. На улицахъ ея растутъ огромные волошскіе орѣхи, черешни, груши, лыча и т. д. Всѣ они были унижены огромнымъ количествомъ плодовъ. Окрестности Красной Поляны замѣчательны своими минеральными источниками. Кромѣ того она отличается хорошимъ климатомъ. Здѣсь не бываетъ очень жарко, благодаря освѣжаю-

щимъ горнымъ вѣтрамъ, ни очень холодно. Лихорадою здѣсь также нѣтъ. Но Красная Поляна имѣетъ одинъ большой недостатокъ: она чрезчуръ сильно стѣснена со всѣхъ сторонъ высокими крутыми горами. Здѣсь почти нѣтъ ни сѣнокосныхъ, ни пастбищныхъ мѣстъ. Мы должны были заплатить 2¹/₂ рубля за то, чтобы на ночь дали нашимъ лошадямъ сѣна, но и оно оказалось никуда не годнымъ, состоящимъ почти изъ однихъ папоротниковъ. Лошади его почти не ѣли.

Дѣйствительный членъ Отдѣла Н. Я. Динникъ.

